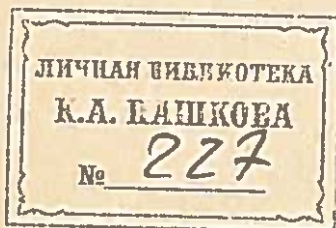

**Московская медицинская академия
им. И. М. Сеченова**

**Андрей Михайлович
Сточик**

**Избранные лекции
по курсу истории медицины
и культурологии**

ВЫПУСК 2

Москва

Московская медицинская академия
им. И. М. Сеченова

Андрей Михайлович
Сточик

Избранные лекции
по курсу истории медицины
и культурологии

ВЫПУСК 2

Москва
МГП «ЭРУС»
1992

Печатается по заказу Ассоциации медицинских ВУЗов.

Лекции прочитаны студентам факультета по подготовке научных и научно-педагогических кадров Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова.

СОДЕРЖАНИЕ

Лекция 2. Табу, его сущность, происхождение и роль в развитии культуры и медицины	3
Лекция 3. Тотемизм, его сущность, происхождение и роль в развитии культуры и медицины	20
Лекция 4—5. Магия, ее сущность, происхождение и роль в развитии культуры. Магическая медицина	41

ISBN 5-8408-0011-2

Лекция 2

ТАБУ, ЕГО СУЩНОСТЬ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И МЕДИЦИНЫ

Несмотря на критику, до недавнего времени раздававшуюся в адрес позитивизма¹ и его основоположника, французского мыслителя О. Конта², сегодня трудно не согласиться с ним в том, что «не человечество следует определять, исходя из человека, а напротив, человека, исходя из человечества»³. Это, на первый взгляд парадоксальное, напоминающее каламбур заявление, применительно к проблемам, которые нам предстоит обсуждать, таит в себе глубокий смысл. В нем, пожалуй, впервые содержится четко выраженное указание на зависимость индивидуального сознания, мировосприятия и поведения каждого человека от так называемых коллективных представлений, «коллективного сознания», где «идеи правят миром и потрясают его».

Обсуждая проблемы становления человека и человеческого общества, мы с вами убедились, что возникновение вида *Homo sapiens* произошло, благодаря общественному существованию архантропов и палеоантропов и развитию в первобытном человеческом стаде коллективной производственной деятельности. Общественное существование, являясь основным условием развития производства, в свою очередь было возможно лишь при достижении в коллективах определенной степени солидарности, что предполагает либо подчинение интересов личности интересам коллектива, либо, что предпочтительней, установление баланса личных и коллективных интересов. Достижение солидарности требовало соблюдения всеми определенных норм поведения и наличия механизмов, обеспечивающих исполнение налагаемых общественным существованием обязанностей и ограничений. Выработка таких норм и механизмов по существу и является созданием коллективных представлений, выражающих интересы общества на определенной стадии его развития, но, как правило, не совпадающих полностью с интересами каждой отдельно взятой личности. «Группа, — писал французский социолог Э. Дюркгейм⁴, который детально разработал понятие «коллективные представления», — думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были бы разъединены»⁵. Нравственные и законодательные нормы, религиозные представления, семейные, клановые, государственные и другие общественные связи, кон-

стидующие общество, по Э. Дюркгейму, действуют как принудительные внешние нормы, организующие поведение каждого человека и в значительной мере определяющие жизнедеятельность людей. Основываясь на положениях Э. Дюркгейма, его последователь французский этнолог социолог и философ Л. Леви-Брюль, об идеях которого мы с вами еще будем говорить, писал: «Представления, называемые коллективными, если их определить только в общих чертах, не углубляя вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение; они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т. д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что эти представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от индивидов, составляющих социальную группу, а потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового. Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, является тем не менее несомненной социальной реальностью, базирующейся на совокупности коллективных представлений, язык навязывает себя каждой из этих личностей, он существует ей и переживает ее»⁶.

Хотя основные положения социологии Э. Дюркгейма и его школы до сих пор подвергаются критике, особенно в нашей стране, концепция о ведущей роли коллективных представлений в сознании и поведении каждого человека представляет для нас значительную важность. Мы должны ясно понимать, насколько наши сознание и психика пронизаны коллективными представлениями, что именно эти представления обеспечивают наше общественное существование и состояние гражданского мира, что наша личностная индивидуальность проявляется лишь в границах, определяемых коллективными представителями. Необходимо сознавать, что сами мы оцениваем поведение и идеи других, исходя, главным образом, из коллективных представлений или, в крайнем случае, в пределах границ, ими определяемых. И хотя эти границы меняются, и, подобно формам социального контроля, становятся более гибкими, ведущее положение коллективных представлений в нашем сознании сохраняется. На основе сопоставления с коллективными представлениями поведения, высказываний и переживаний отдельных

людей мы квалифицируем состояние их психики. Наконец, именно консервативность и жесткость коллективных представлений, ограничивающих как проявление эгоистических инстинктов, так и свободу воли каждого, служат основой драматических конфликтов между личностью и обществом, социальной базой стрессов, последствиями которых являются неврозы и психогенные формы соматической патологии.

Формирование коллективных представлений длительный, а их смена — исключительно сложный процесс, ибо в сознании каждого коллективные представления далекого прошлого продолжают сохраняться в пережиточных формах. Это, в первую очередь, относится к изначальным коллективным представлениям, появившимся как средство обуздания зоологических инстинктов в процессе очеловечивания гоминид и формирования человеческого общества на базе зоологического объединения.

К числу наиболее ранних коллективных представлений, генетически связанных между собой и оказавших определяющее влияние на становление и последующее развитие человеческой культуры, в том числе и медицины, относятся табу, тотемизм, магия, анимизм и фетишизм. Мы будем говорить о каждом из них, но я хочу сразу предупредить: это сложные, противоречивые явления. Как понятия они сложились уже в новое время, и их первоначальный смысл реконструируется неоднозначно. Существуют многочисленные теории, трактующие их происхождение, роль в жизни первобытного человека и влияние на его последующее развитие. В рамках нашего курса нет возможности дать даже беглый обзор этих теорий. Я изложу вам эти понятия так, как понимаю их сам, и, разумеется, оставляю за вами право на основе самостоятельно изученной литературы сформировать собственную позицию, отличающуюся от той, с которой вы познакомитесь сегодня. Вместе с тем я уверен, что разногласия, которые могут возникнуть в этом случае, будут касаться преимущественно деталей, ибо в главном большинство ученых пришло к известному единству.

По-видимому, одним из наиболее ранних коллективных представлений была система немотивированных и категорических запретов, регулирующая поведение людей в первобытных коллективах и их отношение друг к другу. Такие запреты, сохранившиеся до нового времени у так называемых примитивных народов, получили в этнографической литературе название «табу», что дословно, в переводе с полинезийского, означает «особенно отмеченный». В результате почти двухвекового изучения института «табу»⁷ дока-

зана его универсальность, выявлены⁸ и исследованы основные характеристики, высказаны гипотезы о причинах возникновения, формах существования и роли «табу» в первобытном обществе (по всем этим вопросам имеется достаточно большая литература⁹), но разработанной теории «табу» не создано, в связи с чем сфера его применения, как у народов, сохранивших этот институт до нового времени, так и тем более в первобытных коллективах, недостаточно ясна.

Понятие «табу» сложно и многозначно, оно родилось в недрах определенного образа жизни, не во всем доступных для нашего понимания форм осознания окружающего мира и взаимоотношений между людьми. Видимо поэтому попытки кратко определить это понятие оказались безуспешными¹⁰. Я не хочу увеличивать число таких попыток и ограничусь тем, что процитирую вам описательное определение термина «табу», принадлежащее советскому этнографу Ю. И. Семенову: «Термин «табу» прежде всего применяется для обозначения особого рода запретов совершать определенные действия и самих этих запретных действий. Кроме того, этот же термин применяется для обозначения особого рода состояний, в которых, по убеждению примитивных народов, могут находиться люди и вещи, а также для обозначения людей и вещей, находящихся в таких состояниях»¹¹. Это сложное, но наиболее полное из известных мне определений термина «табу» все же не включает в себя всех его основных характеристик или по крайней мере исчерпывающего изложения их. А без этого сфера применения и значение института «табу» в жизни «примитивных обществ» остаются недо конца ясными. Вернемся к семеновскому определению: «Термин «табу» прежде всего применяется для обозначения особого рода запретов...». Обратите внимание: это перекликается с этимологией — «особенно отмеченный». В чем же состоят эти особенности? Во-первых, «табу» не всякий запрет, а лишь запрет категорический и ничем не мотивируемый. Во-вторых, в отличие от законодательных или религиозных запретов сила, санкционировавшая «табу» неизвестна, и, следовательно, вольный или невольный его нарушитель был лишен права на оправдание или покаяние. Возможно было только очищение, которое, впрочем, допускалось не во всех случаях нарушения «табу». Правда, в этнографической литературе описана практика введения новых «табу» вождями или жрецами. Однако, по мнению авторитетных специалистов, такие запреты были «табу» лишь по форме¹². По-видимому, здесь этнографы наблюдали запоздавший по

сравнению с цивилизованными народами на несколько тысяч лет процесс формирования законодательных и религиозных установлений, которые облекались в форму «табу», поскольку государственность и религия еще полностью не сложились. В-третьих, отсутствие силы, санкционировавшей «табу», не означало, что его нарушение останется безнаказанным. Нарушение «табу», по представлениям примитивных народов, освобождало некую неведомую опасность, находившуюся до этого в скрытом состоянии. Эта сила карала (чаще всего смертью), причем не только самого нарушителя, но и коллектив, членом которого он является. Соблюдение «табу», как мы видим, осмысливалось как своеобразная профилактическая мера, защищающая коллектив от смертельной опасности, которая может произойти из-за неправильного поведения отдельной личности. Наконец, этнографы обратили внимание, что у примитивных народов нового времени в состоянии «табу» находилось два типа людей или предметов: одни определялись в сознании коллектива как «священные», другие — как «нечистые». Нарушитель «табу», таким образом, либо осквернял «священное», либо осквернялся от «нечистого». В обоих случаях нарушитель становился «табу» со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая полную или частичную изоляцию от коллектива. Но «осквернившийся» мог быть подвергнут обряду очищения, а «осквернитель» — по-видимому, нет. Этим, пожалуй, можно завершить то, что, с моей точки зрения, вам необходимо знать о «табу» как понятии этнографическом. Но сказанное относится к характеристикам института «табу» у примитивных народов нового времени. Нас же с вами в большей степени интересуют другие вопросы, а именно:

— существовал ли аналогичный институт (мы его также будем называть «табу», поскольку другого термина нет) в первобытных коллективах, каково было его назначение в жизни коллектива и какую роль он сыграл в становлении и развитии человеческого общества и его культуры, включая медико-гигиеническую деятельность?

— сохранились ли пережитки этого института в общественных установлениях и в сознании современного цивилизованного человека?

На вопрос существовали ли в первобытных коллективах запреты, аналогичные «табу», наука, как вы уже знаете, дает положительный ответ. При обсуждении ведущих факторов антропосоциогенеза уже упоминались половые производственные охотничьи табу, ограничивавшие промискуитет¹³ по времени в первобытном человеческом стаде. Одна-

ко считают, что эта форма «табу» была отнюдь не первым половым запретом. Возникновение первобытного человеческого стада связано с реформой половых отношений: гаремная семья обезьян и предлюдей была заменена промискуитетом. Предполагают, что в первобытном человеческом стаде существовало некое гаремное «табу»; очень ранним, и едва ли не первым, считается запрет половых общений с женщиной во время беременности и менструации¹⁴. Известно также, что усложнившаяся система половых запретов привела на стадии разложения первобытного человеческого стада к экзогамии¹⁵, сыгравшей важнейшую роль в развитии общественных отношений и становлении духовной культуры. Половые «табу» были не единственной сферой запретов. В первобытных коллективах существовали пищевые «табу», в частности запрет употреблять в пищу добычу до ее доставки, а также запреты, регулировавшие распределение пищевых продуктов. Я напоминаю вам об этих фактах не из-за желания повторяться. Перечисление наиболее ранних форм «табу» сразу же наводит на мысль, что эти запреты возникли как средство обуздания животных инстинктов. Не случайно такой авторитетный исследователь, как С. Рейнак¹⁶ указывал, что «табу это преграда, возведенная против разрушительных и кровавых стремлений, являющихся наследством человека, полученным от животных»¹⁷. А это означает, что возникновение «табу» (во всяком случае многих из них) было выражением социальной потребности. Разумеется эта потребность не была осознана. «Табу» возникли стихийно, бессознательно в ходе практической деятельности или точнее — «были навязаны людям условиями жизни, ходом их практической деятельности»¹⁸. Ведь игра животных инстинктов не просто мешала производственной деятельности, ослабляя коллектив в борьбе за существование, но порой наносила ей такой ущерб, что коллектив распадался и погибал. Иными словами, «зоологический индивидуализм» и был той неведомой, неосознанной, но вполне реальной опасностью, от которой и формирующееся, и сформировавшееся общество должно было защищаться. При этом, повторяю, ни природа опасности, ни социальная потребность ограничения «зоологического индивидуализма» не могли быть адекватно осознаны первобытными людьми, что и определило императивность, немотивированность запретов, которые воспринимались как единственное средство избежать смертельной опасности, грозящей всему коллективу и каждому его члену в отдельности.

Но «табу» было не только средством защиты от грозящей опасности, не только одним из условий сохранения и развития коллектива. Возникновение его ознаменовало начало формирования ряда важных специфических для человека представлений. Во-первых, с возникновением «табу», по-видимому, начался процесс трансформации «стадного инстинкта» в идею социальной опасности в форме опасности для всех в зависимости от поведения отдельной личности. Во-вторых, началось вычленение конкретных действий, представляющих опасность для коллектива; иными словами, зародилось представление о зле, выраженное в совершенно конкретном перечне действий, отделяющем его от норм поведения, неносящих ущерба коллективу. В-третьих, источником этого зла были не какие-нибудь внешние условия или сверхъестественные силы, а любой член коллектива, его действия, его поведение. В-четвертых, возникли представления о возможностях предотвращения этого зла путем установления контроля коллектива за поведением каждого его члена и путем личного самоограничения.

Таким образом, «табу» были первыми регуляторами поведения людей в первобытных коллективах, их отношений к коллективу и друг к другу. Эта регуляция основывалась на принципе: «разрешено все то, что не запрещено». Кроме того, значительная часть «табу» как бы устанавливала границы между добром и злом и тем самым формулировала нормы первобытной морали.

Я сказал «значительная часть» не случайно. Выделяют две группы «табу». Первую составляют «табу», регулировавшие поведение людей, — так называемые этические «табу»; именно об этой группе мы только что говорили с вами. Вторую — запреты, не являвшиеся нормами поведения, а относившиеся к различным формам практической деятельности. Эта группа запретов возникла позднее, и, как считают некоторые исследователи, не относится к истинным «табу». К особенностям второго типа запретов относится прежде всего более или менее зримый негативный результат их нарушения. Кроме того, предполагают, что нарушения этого типа запретов не связывались с представлением о некоей неведомой смертельной опасности, которая высвобождается в связи с нарушением «табу», в результате чего страдает не только нарушитель, но и весь коллектив. Поэтому в случае нарушений этого типа запретов было достаточно санкций, наказаний, налагаемых коллективом.

По-видимому, во второй группе аккумулировался опыт негативных результатов практической деятельности. Вообще

не исключено, что первоначальной формой регулирования не только поведения, но и различных форм практической деятельности была система запретов, так сказать метод проб и ошибок, использование которого позволяло выявлять и табуировать действия, приводящие к негативному результату. А далее: «допустимо все то, что не запрещено» и свободное поле для дальнейшего поиска. В этом отношении весьма примечательно, что понятие «ноа» — разрешаемое — появилось, как полагают, значительно позднее, чем «табу».

В период расцвета родоплеменной организации «табу» регламентировали буквально все стороны жизни и деятельности первобытного человека, в том числе прямо или косвенно относившиеся к медико-гигиеническим вопросам. Так, достаточно рано сформировались «табу» в отношении лиц, оказывающих помощь или ухаживающих за ранеными и больными¹⁹. Им, например, запрещались половые связи, ограничивалось общение со здоровыми членами коллектива. Думается, что первый из этих запретов символизировал забвение личного у человека, призванного оказывать помощь страждущему, второй — по-видимому, имевшийся опыт распространения болезни через лицо, ухаживающее за больным. «Табу» налагалось на общение с роженицей и новорожденным на определенный срок, после которого проводился обряд очищения. Только после этого и ребенок, и мать допускались к обычной жизни в коллективе. Гигиенический смысл этих запретов, думается, ясен вам. Такая изоляция была несомненно целесообразна, поскольку в известной мере защищала мать и ребенка от инфицирования. Но первобытным человеком эти запреты осознавались иначе, а именно как представление о «нечистоте» женщины во время менструаций, беременности, родов и в послеродовом периоде. В этих состояниях женщина была «табу» не только для половой связи, но и для производственной деятельности (что с гигиенических позиций, по-видимому, целесообразно), и для общения вообще. Такое отношение существовало долго и поддерживалось религиозными установлениями. Религиозный закон евреев, например, строго устанавливал срок ритуальной послеродовой «нечистоты» женщины. Я хочу процитировать вам соответствующий текст Библии: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если женщина зачнет и родит младенца мужского пола, то она нечиста будет семь дней; как во дни страдания ее очищением она будет нечиста; в восьмой же обрежется у него крайняя плоть его; и тридцать три дня должна она сидеть, очищаясь от кровей своих; ни к чему священному не должна

прикасаться и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее. Если же она родит младенца женского пола, то во время очищения своего она будет нечиста две недели, и шестьдесят шесть дней должна сидеть, очищаясь от кровей своих»²⁰.

В период разложения родоплеменной организации начался кризис института «табу», распад системы запретов, регулировавшей жизнь общества. Основными регуляторами становятся сначала обычаи и религия, а затем религия и право. Многие табу составили основу законодательства, регулирующего властные функции, безопасность жизни и имущества людей, брачно-семейные и другие отношения. Законодательство внесло ясность в вопросы наказания, которому уже подвергался только нарушитель законодательного запрета. Таким образом решился вопрос о субъекте, санкционирующем запрет и налагающем наказание за его нарушение. Страх перед неведомой силой уступил место страху перед законом, а самое главное — с общества была юридически снята ответственность за правонарушения отдельных личностей. Ныне эта проблема осталась лишь темой для журналистов, писателей, адвокатов, ученых трудов. Закон и «табу» настолько отделились друг от друга, что теперь мало кто вспоминает о том, что важнейшие правовые идеи (запрет действий, наносящих вред обществу, наказание и его неотвратимость для нарушителя общественного запрета и другие) зародились в форме «табу».

Правоприемником основных этических «табу» стала религия. Она также внесла ясность в отношении силы, санкционировавшей предписываемые ей нравственные установления и наказание за их нарушения. Эта сила, как известно, сверхъестественная, и в этом смысле религиозные запреты ближе к «табу», чем законодательные, как понятие «грех» ближе к «табу», чем понятие «преступление». Призванная формировать и поддерживать нравственные устои общества в целом и каждого человека в отдельности, религия играла и продолжает играть важнейшую роль в жизни общества, хотя эффективность ее не столь велика, как хотелось бы.

«Если мы не ошибаемся, — писал З. Фрейд²¹, — то понимание табу проливает свет на природу и понимание совести. Не расширяя понятия, можно говорить о совести табу и сознании вины табу после нарушения его. Совесть табу представляет собой, вероятно, самую древнюю форму, в которой мы встречаемся с феноменом табу»²². Здесь с З. Фрейдом трудно (да и не нужно) спорить. Обуздать животные инстинкты человек не смог бы без самоограниче-

ния, самообуздания. Понятия совести, долга, чести как никакие другие генетически связаны с «табу». И формирование, и поддержание их даже при наличии идеального законодательства, эффективной религии и системы светского воспитания, жесткого общественного контроля невозможны без активного участия самого человека. Эта третья ипостась «табу», оставленная нам в наследство далекими предками, не поглощается ни религией, ни правом и в наибольшей степени погружена в стихию своего первобытного начала. Ведь никто сегодня не сможет четко объяснить, какие силы удерживают современного человека, не верящего подчас ни в бога, ни в черта, ни в победу коммунизма, ни в экономическую реформу, от проявлений животного эгоизма. Какие силы вызывают у человека муки совести, муки поруганной чести, заставляющие его порой под их влиянием покончить счеты с жизнью. Древние «табу» не умерли, они трансформировались в систему самоограничений, в нечто близкое к тому, что старые психиатры называли сдерживающими влияниями. Она включает в себя сегодня как представления об общечеловеческих ценностях, так и индивидуальные ценностные ориентации, сформировавшиеся под влиянием системы воспитания, микросоциального окружения и личного опыта. Система самоограничений не закрепляется генетически, создавая условия для личных трагедий глубоко порядочных родителей, имеющих негодяев детей, и наоборот. Эта система у каждого формируется заново, формируется трудно, ибо самоограничение, самосовершенствование, равно как совесть и порядочность не часто подкрепляются обществом, как далеко не всегда наказываются или просто осуждаются проявления эгоистических инстинктов. А человек продолжает быть не только социальным, но и биологическим существом, он продолжает быть подверженным игре страстей, его продолжают волновать вегетативные удовольствия. И система сдерживающих влияний — пережиток древних «табу» — противостоит этому и даже при поддержке социального контроля остается один на один с ними. Ведь прав Б. Л. Пастернак: основные боренья каждого, это — боренья с самим собой. Но система хрупка. Она может растормаживаться. Это нередко наблюдается в периоды социальной напряженности, когда накал страстей, озлобленность приводят к тому, что добро и зло в наших представлениях меняются местами. Такое положение чаще наблюдается у людей с радикальным складом личности. Система растормаживается и под влиянием такого микросоциального окружения, в котором подкрепляются низменные

проявления, создаются условия вседозволенности. Очень важно уметь отличать человека, поведение которого нарушила болезнь, от лиц с расторможенными сдерживающими влияниями. Нужна разная помощь, различна и степень опасности их для общества.

Система нравственных сдерживающих влияний как бы навязывается организму и, помогая человеку избегать конфликта с обществом и самим собой, требует за это определенной платы. Такой платой за подавление инстинктов являются неврозы. Они наблюдаются как результат срыва или перегрузки системы сдерживающих влияний, причем опять-таки чаще у людей с радикальным складом личности, в условиях расторможения системы и, наконец, под влиянием самооценки уже прошедших событий.

И все же состояние системы самоограничения во многом зависит от нас самих. Берегите ее, помогайте ей, и она поможет вам в самые сложные минуты жизни, позволит спасти честь и достоинство, не склонить головы перед хамством и диктатом, вовремя подать руку помощи тому, кто в ней нуждается. Она поможет вам жить по совести, честно смотреть в глаза вашим детям и на вопрос: «что ты делал в те сложные годы?» — спокойно ответить «Я не только выжил. Я выстоял».

* * *

Кризис института «табу», начавшийся на стадии разложения родоплеменной организации, не следует понимать как полный отказ от налагаемых обществом запретов. Речь идет о пересмотре номенклатуры запретов, альтернативном отношении к некоторым из сохраняемых запретов и введении их мотивировки. Эти процессы хорошо прослеживаются в мифах с инцестным сюжетом. При этом миф призван обеспечить мотивировку — предостережение в отношении запрета или нежелательности определенного действия, или, как справедливо замечает Г. А. Левинтон, «выступает в качестве коллективного «фиктивного» опыта, мысленного эксперимента, рисующего последствия нарушения табу и таким образом демонстрирующий «от противного» необходимость его соблюдения»²³.

Мы с вами знаем, что табу на инцест появилось еще у неандертальцев, что постепенно экзогамия сначала в форме группового, а затем и моногамного брака стала ведущей формой брачных отношений. Но по мере разложения общинных отношений влияние табу и его сила уменьшались. На стадии формирования цивилизаций появляется двойственное

отношение к установлениям первобытной морали. Нарушение «табу» на инцест начинает рассматриваться как некое избранничество, нарушителей ждет необычная судьба: либо восхождение к вершинам добра, или же к крайним степеням зла, либо высокое предназначение, совершение подлинных подвигов, либо жизненная катастрофа, трагедия. В древнегреческих мифах с инцестными сюжетами эта амбивалентность прослеживается четко. От эндогамных браков Геи и Урана, титанов рождаются либо чудовища, либо боги. Зевс — такой же плод инцеста, как страшные чудовища, его кровные родственники, которых он вынужден уничтожать (лично или с участием других богов и героев) во имя установления порядка во вселенной. И в олимпийском пантеоне, где боги связаны не только узами супружества, но и узами кровного родства, стремление наиболее сильных из них вступать в связь со смертными — отголосок не только обычаев наиболее ранних форм экзогамии, но и форма избегания инцеста. Кстати, от таких связей и родились выдающиеся герои — Геракл, Тесей, Ахилл, Язон и др. Думается, на эти обстоятельства, а не на доступность богам совершать акты супружеской неверности стремились обратить внимание своих современников безвестные авторы мифов. К тому же в реальной жизни древнегреческого общества, которая в основных своих чертах и отражалась на Олимпе, супружеская неверность простым смертным была доступнее, чем богам.

Но «доказательство от противного» имеет смысл лишь в условиях, если явление, к которому это доказательство относилось, реально существовало. Что касается инцеста, то даже жестокость в отношении нарушителей экзогамного табу в первобытной общине не позволила его полностью изжить. Известно, и мы уже об этом говорили с вами, что эндогамные²⁴, промискуитетные эксцессы составляли сущность оргиастических праздников. На стадии разложения общинных отношений роль вождей племен возросла. Для дальнейшего усиления и укрепления власти осуществлялись меры по сужению круга лиц, могущих претендовать на власть, начинается процесс обожествления личности вождя (легенды об исключительности происхождения, фетишизация предков, введение церемониала общения, идея избранности). Вожди греческих (да и негреческих) племен, как правило, вели родословную от тотемических предков, а позднее — от богов. Отсюда право на избранничество, на нарушение табу, и прежде всего, на инцест, который позволял сужать круг правящей элиты, отделять свое потомство от остальных сородичей. В этом, вероятно, надо видеть причи-

ну допустимости и, так сказать, альтернативного отношения к некоторым формам инцестных браков, которые в элитарных кругах раннеклассовых обществ имели достаточно широкое, распространение. На родных сестрах женились египетские фараоны, персидские цари, узамы кровного родства нередко были связаны супружеские пары правителей раннеклассовых государств эгейского мира и материковой Греции. Нельзя сказать, чтобы мифология не предостерегала от таких форм инцеста, но предостережение не было жестким. Судьба потомства, родившегося в таких браках, в мифах зависела от нравственных качеств и заслуг родителей. И если, с точки зрения господствующей морали, к родителям претензий не было, мифологическая судьба их потомков складывалась вполне благополучно, что «от противного» доказывает допустимость некоторых форм инцестных браков.

Но исход инцеста был альтернативен далеко не всегда. Древнегреческая мифологическая традиция четко выделяет совершенно недопустимые и жестоко наказываемые формы инцеста: всегда трагичен исход не только половой связи, но и просто влечения детей к родителям и родителей к детям. Трагичность исхода при этом не зависит от обстоятельств, приведших к инцесту или сопровождающих его. Более того, в мифах этого цикла обстоятельства всегда складываются самым роковым образом. Сын (а практически во всех подобных мифах речь идет об инцесте сына с матерью) — герой мифа — в самом младенческом возрасте разлучается с матерью обычно по настоянию отца, получившего предостережение от оракула или прорицателя, что погибнет от руки сына. Он воспитывается в чужой бездетной семье, как родной сын. Далее он случайно узнает (или у него возникают подозрения), что обстоятельства его рождения окружены некоей тайной, или он живет не в родительской семье. Для поиска истинных родителей или раскрытия тайны своего рождения герой мифа покидает дом своих воспитателей. В процессе странствий он встречает своего отца (разумеется отец и сын не узнают друг друга), и в возникающей по вине отца ссоре сын убивает отца. После этого он попадает в родной город, обязательно совершает какой-нибудь подвиг, заслуживая этим уважение жителей города, встречается с матерью, которая конечно же не узнает сына, и вступает с ней в брак. После многих лет счастливого брака на город, в котором живут виновники инцеста, обрушиваются страшные бедствия — голод, мор и т. д. Оракул и прорицатели, к которым обращаются за помощью, раскрывают причину

бедствия. Тайна инцеста и обстоятельства, приведшие к нему, выявляются. Виновники инцеста гибнут. Такова фабула подобных мифов. Она сразу оживляет в вашей памяти наиболее известный миф этого цикла — миф об Эдипе и бесмертные трагедии Софокла²⁵, написанные на этот сюжет.

Не знаю как у вас, а у меня судьба Эдипа вызывает сочувствие. Да и вообще с позиций естественного права он ни в чем не виноват, он — не преступник, ибо не ведал, что творил. Он не знал, что встреченный им на дороге своеправный, кичливый, затеявший драку старик — его родной отец, хотя и бросивший его, обрекший на неминуемую смерть, но все же давший ему жизнь, а потому (по представлениям древних) имевший право ею распорядиться по собственному усмотрению. Не знал он, что женщина, которая, хотя и старше его, но сохранила и привлекательность, и способность вызывать в мужчине страсть, — его мать, иначе не посягнул бы на лоно, из которого появился на свет... Что же, боги не справедливы? По нашим понятиям, — вроде бы да. Но сам Эдип, ослепивший себя и отправившийся в изгнание в поисках смерти на чужбине, так не считает, хотя и клянет злосчастный рок, клянет сыновей, не защитивших его от изгнания. По представлениям древних, судьба Эдипа трагична, но участь его справедлива, так как факты отцеубийства и кровосмесительной связи совершились, а самое главное — навлекли бедствия на сограждан, уже совсем ни в чем неповинных. Такие преступления, а главное — их последствия не должны остаться неотомщенными. Конечно, можно говорить, что виновато роковое стечение обстоятельств, но рок не накажешь, а без наказания не устранишь последствий. И невольных нарушителей табу фактически приносят в жертву для отвращения несчастий от коллектива. Судьба Эдипа и его матери — мотивированная жертва богам во имя спасения коллектива, как это часто бывало в первобытном обществе и древних цивилизациях. И если бы не обнаружилось факты отцеубийства и инцеста, были бы найдены другие нарушители первобытной морали, или жертва была бы найдена по жребию. Кстати говоря, в условиях бедствия царь мог быть принесен в жертву и без таких серьезных, как у Эдипа, мотивов. Обычай приносить вождя в жертву при различных общеплеменных бедствиях долго сохранялся у так называемых отсталых племен. Это считалось справедливым: вождь был окружен почетом, по меньшей мере, как полубог, поскольку он обладал магической силой, значительно большей, чем его соплеменники, и должен был защищать их от происков многочисленных врагов.

В мифах об Эдипе налицо все атрибуты последствий нарушения табу: неотвратимость наказания нарушителей, неотвратимость бедствий для коллектива, в котором они находятся. Типичны и формы наказания — смерть, изгнание. Мифом подчеркивается строгость, обязательность соблюдения табу на инцест между родителями и детьми. Никакие обстоятельства его не оправдывают, и мысль о возможности сознательного нарушения этого табу просто не допускается.

Это положение настолько прочно вошло в арсенал общечеловеческих нравственных ценностей, что даже в литературе новейшего времени инцест между родителями и детьми, включенный в канву сюжета, происходит, что называется по «эдипову сценарию»: персонажи не знают о своем родстве и дальнейшая их судьба складывается трагично. Вспомните для примера «Номо Faber» М. Фриша, написанный в 1957 году. Герой и его дочь не знали о своем родстве, они действительно были увлечены друг другом, но вскоре после инцеста дочь погибает, а герой узнает, что девушка, которой он был увлечен, — его дочь... На последних страницах романа мы встречаем героя, умирающего от рака и осознающего безысходность своего положения. Традицию отношения к инцесту между родителями и детьми из крупных писателей частично нарушил, пожалуй, только М. А. Шолохов. Отец сознательно изнасиловал Аксинью, оба они знали о своем родстве. Что касается известного вам исхода, то он «эдипов»: отца с молчаливого согласия матери убивают сыновья; судьба ни в чем не повинной Аксиньи сложилась трагично.

Миф об Эдипе привлек к себе внимание большого числа исследователей, породил множество дискуссий. Мы с вами не имеем возможности обсуждать различные варианты трактовки этого мифа, но с историко-медицинских позиций существенно, что он был использован для формулирования одного из фундаментальных понятий фрейдовского психоанализа — эдипова комплекса.

По З. Фрейду, эдипов комплекс — характерная установка ребенка по отношению к родителям, которая складывается в фаллической фазе сексуального развития примерно между 3—4 годами²⁶. З. Фрейд считал, что «сексуальный инстинкт совершенно не зависит от функций размножения, целям которого он служит впоследствии. Он преследует только достижение ощущений удовольствия, наслаждения от эрогенных зон, не обязательно связанного с размножением, наслаждения от функционирования любых органов»²⁷. Сексуальное развитие начинается практически с рождения

и проходит ряд этапов, различающихся господством определенных эрогенных зон: первый (оральный) включает 1-й год жизни, эрогенные зоны — слизистые оболочки губ и полости рта; второй (анальный) — 2-й и 3-й годы жизни, эрогенная зона — слизистая оболочка *anus'a*; третий (фаллический) — 4—6-й годы жизни, эрогенная зона — *penis* (*fallos*), этот этап характеризуется детским онанизмом, формированием эдипова комплекса; четвертый — латентный период; пятый (генитальный) этап начинается с пубертатного периода, этап развитой сексуальности, частые влечения подчиняются господству либидо и удовлетворяются обычно путем нормальной половой деятельности²⁸.

Для мальчика обычно характерен позитивный эдипов комплекс — любовь к матери и желание инцеста с ней, одновременно ревность и ненависть к отцу с желанием устранить его как соперника. З. Фрейд считал, что может развиваться и негативный эдипов комплекс — любовь к отцу и ненависть к матери. У девочки позитивная установка по отношению к родителям — любовь к отцу и ненависть к матери, негативная — обратная. «Миф о царе Эдипе, который убивает своего отца и женится на своей матери, — писал З. Фрейд, — представляет собой мало измененное проявление инфантильного желания, против которого впоследствии возникает идея ограничения инцеста»²⁹. И далее: «Я полагаю, что мы не ошибемся, если допустим существование полного Эдипова комплекса у всех вообще людей, а у невротиков в особенности»³⁰. Таким образом, эдипов комплекс — универсальный этап, обязательная фаза развития сексуальности каждого человека. Не углубляясь в суть и детали психоаналитических положений З. Фрейда, которые, вероятно, будут обсуждаться на кафедре психиатрии, замечу лишь, что положение об универсальности эдипова комплекса аргументированно оспаривалось уже в 20-х годах английским этнографом Б. Малиновским³¹ и в настоящее время практически не имеет сторонников. По-видимому, особое отношение к инцесту между родителями и детьми, и прежде всего между матерью и сыном, возникло в условиях, когда полнота власти в племени уже перешла или переходила к мужчине, но матрилинейный³² порядок наследования еще господствовал. Матриархальный обычай, когда правитель получал власть в результате брака и передавал ее не сыну, а зятю, долго сохранялся в раннеклассовых государствах. В этих условиях получение власти сыном было возможно только при устранении дряхлеющего отца и брака с матерью. В этих случаях, как правило, рано или поздно возникали конфликты, на-

сящие, как всякая война, значительный ущерб населению: бессмысленные жертвы, продовольственные трудности, вспышки эпидемических болезней. Иными словами, нарушение табу на инцест в этих случаях навлекало бедствия на коллектив, в котором жили нарушители. Именно эти, чисто социальные мотивы, по мнению известного советского литературоведа В. Я. Проппа³³, лежат в основе сюжета мифа об Эдипе³⁴ и (добавим от себя) привели к тому, что при формировании «альтернативного» отношения к табу на инцест вообще, инцест между родителями и детьми выделяется и табуируется особенно строго, поскольку не только нарушает обычай, но и дестабилизирует социальную ситуацию.

ТОТЕМИЗМ, ЕГО СУЩНОСТЬ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ И МЕДИЦИНЫ

Почти одновременно с «табу» в европейскую научную литературу вошло еще одно фундаментальное понятие — «тотем» (от алгонкинского «от-отем» — его род)³⁵. Это понятие первоначально было описано как свойственный некоторым племенам северо-американских индейцев обычай избирать в качестве символа племени какой-либо вид животных или растений и почитать этот вид как своего родоначальника. Исследования, проведенные во 2-ой половине 19 и начале 20 веков³⁶, не только привлекли внимание к «тотему», но и установили универсальность тотемизма для примитивных народов нового времени как особой формы религиозных верований, а исторически как важного этапа в становлении общественного сознания, религиозных представлений и социальных отношений. Исследования тотемизма продолжаются, хотя менее интенсивно, чем в 1-ой трети нашего века.

В современной этнографической литературе под тотемизмом принято понимать архаичную форму религии — комплекс верований, обрядов, мифов, основанных на представлениях о тесной родственной связи какой-либо группы людей (род, племя) с определенным видом животного, реже — растения, еще реже с неодушевленным предметом или явлением природы. Соответствующий коллектив (обычно род) носил имя тотема, и каждый член этого коллектива верил, что произошел от общих с ним предков, состоит с ним в кровном родстве. В коллективе, имеющем общий тотем, поддерживалась строгая экзогамия, действовало «табу» на убийство и вообще на причинение вреда сородичам.

Тотем — не божество в строгом смысле этого слова. Он не был персонифицирован, не существовал в единственном числе, ему не поклонялись, не возносили молитв, но считали его «отцом», «старшим братом», покровителем и заступником. Тотемному животному нельзя наносить какой-либо вред, его нельзя убивать, употреблять в пищу, кроме случаев, когда убийство и поедание мяса тотема носили ритуальный характер. Люди ждали от своего тотема защиты, милости и помощи. Тотем посылал своему племени знамения и предостережения, помогал при болезнях и травмах. Советский историк медицины Ф. Р. Бородулин, ссылаясь на

Э. Тайлора, сообщал в своих лекциях, что в общинах охотников сравнительно рано появились индивидуальные тотемы — животные — покровители отдельных членов коллектива. У северо-американских индейцев такие индивидуальные тотемы назывались «маниту»; одно из значений этого слова (по Э. Тайлору) — лекарство. Ф. Р. Бородулин полагал, что «будучи покровителем данного человека, животное («маниту») должно беречь его от болезней, помогать ему, лечить его»³⁷. В этом смысле оно использовалось двояко. Во-первых, как обычное лекарство: внутрь — мясо, органы, кровь; наружно — жир, а значит в отличие от родового тотема «маниту» можно было убивать и употреблять в пищу. Во-вторых, в качестве амулета, защищающего человека от внешних опасностей. Для этого мелкие животные сушили, использовали кости или зубы «маниту», наконец, делались его изображения из дерева, кости или камня. Если же тотемное животное причиняло вред кому-нибудь из членов коллектива, это расценивалось как справедливое наказание за какой-либо неправильный поступок, и сородичи применяли в отношении потерпевшего дополнительные санкции. Так, например, подвергшийся нападению тотемного животного обычно изгонялся из коллектива или по меньшей мере объявлялся «табу» и должен был пройти обряд искупления и очищения (так сказать, первобытное подтверждение русской поговорки: «На кого бог, на того и люди»). Появление тотемного животного возле дома считалось возвещением смерти: тотем пришел забрать своего сородича³⁸.

В условиях развитого тотемизма существовали атрибуты культа: типовые обряды, тотемические мифы, «священный центр», где хранились реликвии — символические предметы, олицетворяющие тотем, с которым связывались предания о тотемических предках и оставленных ими «зародышах», дающих начало новым жизням. В центре поселения и на его околицах устанавливались столбы с изображением тотема («тотемные знаки»), которые были призваны охранять род. У аборигенов Австралии, которую считают «классической страной тотемизма»³⁹, отмечено 5 его видов: групповой (родовой, клановый), тотемизм фратрий, тотемические «брачные классы», половой тотемизм (наличие отдельных тотемов у мужчин и женщин) и индивидуальный тотемизм.

Все сказанное выше, естественно, может восприниматься вами как набор фантастических и достаточно нелепых суеверий, вполне соответствующих тому жалкому и дикому состоянию, в котором в прошлом веке застали народы, исповедовавшие тотемизм, европейские путешественники, миссио-

неры и ученые. Но не торопитесь с выводами. То, что наблюдали этнографы, изучавшие быт, нравы, обычаи и верования примитивных народов, лишь дальний отголосок переворота, произошедшего несколько десятков тысяч лет назад, переворота, позволившего человечеству окончательно выйти из полуживотного состояния, переворота, указавшего путь культурного развития, породившего множество новых идей, и поныне живущих в сознании цивилизованного человека. Так в чем же сущность тотемизма, когда и почему он возник и какова его роль в становлении и развитии человеческого общества и человеческой культуры?

Прежде чем отвечать на поставленные вопросы, я должен еще раз предупредить вас, что не изрекаю истину в последней инстанции. Те идеи, обряды и мифы, которые наблюдались и изучались этнографами и квалифицируются ими как тотемизм, по-видимому, значительно отличаются от содержания первобытного тотемизма. За несколько десятков тысяч лет, отделяющих нас от возникновения тотемизма, на тотемические идеи наслоились идеи и обряды магии, а затем анимизма, фетишизма и других верований. Реконструкция первобытного тотемизма осуществляется, с одной стороны, путем освобождения от этих наслоений, с другой — установления времени и причин присоединения к тотемизму идей и обрядов других верований. И коль скоро речь идет о реконструкции, то неизбежна разногласия мнений, которая в отношении происхождения и сущности тотемизма особенно велика: сегодня на сей предмет сформулировано более 50 теорий, а есть исследователи, даже сомневающиеся в «реальности тотемического феномена»⁴⁰. Я не стану вам даже перечислять все известные теории тотемизма⁴¹. Но при дальнейшем изложении отдельными идеями многих из них придется воспользоваться.

При всем разнообразии мнений о происхождении и сущности тотемизма подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что рассматривают тотемизм как исторически первую «форму осознания связи коллектива, его единства, его противоположности другим коллективам»⁴². В этой формулировке, принадлежащей выдающемуся советскому этнографу и историку С. П. Толстову⁴³, акцентируется внимание по меньшей мере на двух важнейших характеристиках тотемизма. Во-первых, на том, что «осознание единства» — групповой феномен. Осознается принадлежность к группе через специфическое отношение между группой и тотемом, через единство между ними. Тотемизм, таким образом, цементировал первобытный коллектив — коллектив ста-

новился не совокупностью индивидуальностей, определяющих его лицо, а силой, противостоящей индивидуализму. На то, что характерной чертой древнейших форм тотемизма было отсутствие индивидуализма, такой коллективизм, на базе которого не могло развиваться представление об индивидуальной душе, о личности и т. п., обращали внимание многие исследователи⁴⁴. Более того, известный французский социолог Э. Дюркгейм считал, что в образе тотема первобытный коллектив чтит самого себя. «Бог клана», — писал Э. Дюркгейм, — тотемический принцип, не может быть ничем иным, как самим кланом»⁴⁵. Коллектив и единство — главный идеал и важнейший стимул развития первобытного общества. Поэтому обожествление коллективизма, единства клана и самого коллектива составляет суть первой религии человека. Это обожествление, несмотря на неприятие жесткой коллективистской идеологии, сохранилось в нас. Мы чтим интересы большинства, и нас волнует общественное мнение даже тогда, когда мы уверены в своей правоте и в том, что общественное мнение не готово объективно оценить наши идеи. Мы стремимся по возможности идти в ногу (хотя тотема уже нет и все вроде бы признают плюрализм), и с пониманием и сочувствием воспринимаем печальную судьбу реформаторов. Пережитки первобытного коллективизма, отголоски тотемического принципа все еще живут в нас. Но разве единство и солидарность перестали быть общественным идеалом, и разве мы не видим разрушительных последствий резкого взаимного отчуждения?

Коллективистская направленность тотемизма не должна вызывать у вас отрицательных эмоций. Не следует забывать, что речь идет об эпохе становления общественных отношений на базе стадного инстинкта, при котором индивидуализм выражался в той или иной степени проявлениями животных инстинктов. Именно против такого индивидуализма был направлен первобытный коллективизм, поскольку прогресс зависел от коллективного труда, от консолидации. Индивидуальность человеческая, представление о личности возникли позднее, когда коллективистский этап общественного развития создал для этого необходимые условия. Но даже современное общество, сознавая ценность индивидуальности человеческой личности как гарантии социального прогресса, все же использует соответствующие механизмы для поддержания баланса личных и общественных интересов, а в периоды социальной напряженности, и тем более социальных катаклизмов, принимает меры, и подчас жесткие, для консолидации, определенного ограничения свободы

личности, свободы проявления индивидуальности в духе исторически сложившихся коллективистских традиций.

«Осознание единства» коллектива означает и осознание его противоположности другим. Эта вторая принципиальная характеристика тотемизма на первый взгляд воспринимается как противоречие: согласитесь, мы привыкли к тому, что единство достигается известным сглаживанием противоположности. Но никакого противоречия здесь нет. Существовали изолированные небольшие коллективы, и «осознание единства» такого коллектива могло быть достигнуто только через осознание непохожести, какого-либо отличия от других. Тотем и служил этим отличием, символом не только единства, но и непохожести. И, если отличие одного коллектива от другого не могло быть адекватно осознано и тем более выражено первобытным человеком, то отличие, скажем, кенгуру от какаду он видел и вполне осознавал. Более того, имея охотничий опыт, он знал повадки каждого из этих видов, особенности охоты на них и т. д. И, подобно тому, как кенгуру отличается от какаду, люди кенгуру отличались от людей какаду.

Эта, как я уже говорил, принципиальная характеристика тотемизма, в плане дальнейшего развития имела как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, осознание непохожести, отличия от других коллективов послужило основой для осознания в дальнейшем каждым человеком своей индивидуальности, непохожести на других членов коллектива. Этот процесс, по-видимому, был длительным и прошел ряд этапов через установление половых тотемов (раздельных для мужчин и женщин) к установлению тотемов индивидуальных, разумеется, при сохранении единого тотема всего коллектива. С другой стороны, это обернулось внутренней замкнутостью и отчужденностью тотемических групп, враждебностью и конфликтами, рассказами о которых изобилует тотемическая мифология. Правда, остается неясным, были ли эти конфликты чисто тотемическими или существовала для них какая-либо более жизненная, экономическая основа, а тотемы служили лишь их символом. Но одно известно точно и определенно: введенные в результате «осознания единства» запреты на убийства внутри коллектива и другие «табу», препятствующие нанесению какого-либо вреда сородичам, установившаяся взаимопомощь и т. п. действовали только внутри тотемных групп или в лучшем случае в пределах дуально-родовой организации, т. е. распространялись на коллектив, с которым эта группа находилась в состоянии группового брака. В отношении дру-

гих групп и их отдельных представителей никакие этические «табу» не действовали, никаких обязательств не существовало. Как вы видите, не только единство, не только коллективный труд и распределение, не только заботу друг о друге и взаимопомощь олицетворял собой тотем. С «осознанием единства», с «самопочтением коллектива» пришло и «осознание противоположности», осознание своего и чужого, представление о чужаке, радеющем о благополучии только своего клана и, следовательно, несущем только зло другому. В этом, по-видимому, и состояла «психологическая» основа для отчужденности, для «межтотемных» конфликтов. Клановость, скрепленная кровным родством, этнические предрасудки до сих пор служат основой для серьезных конфликтов. И, конечно, они противостояли и противостоят подлинному осознанию необходимости реального и повсеместного внедрения общечеловеческих нравственных норм. Этот процесс затянулся на века, ибо требует отказа от клановых традиций, признания, что общечеловеческие нравственные ценности выше кровного родства. Наверно поэтому наставляя апостолов Иисус говорил им: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее... И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына и дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...»⁴⁶.

В этом наставлении тоже слышатся крайности, выражается позиция идеологического сектантства, требование выбора между истинной (а может быть фанатичной!) приверженностью идее всеобщей любви, всеобщего блага и естественными чувствами человека. Но ведь это наставление касалось не всех, не каждого, а лишь тех, кто добровольно согласился посвятить себя служению идее всеобщей любви и всеобщего добра. А для этого надо пожертвовать всем личным, ибо слаб человек, не сможет он любить одинаково чужака и дитя свое. Так как же тогда быть нам, дающим обет посвятить свою жизнь человеку, страждущему болезнью и немощью? Также отречься от отца и матери, отказаться от сыновей и дочерей? Но будем ли мы тогда ощущать в полной мере естественные потребности человека, будем ли понимать во имя чего мы боремся за его жизнь и здоровье? Да и нужна ли человеку жизнь без любви и детей, а значит без будущего? Нет, выполнение сознательно принятого на себя долга помогать людям не требует отречения от человеческого счастья, и «первобытное» чувство взаимопомощи поможет в каждом конкретном случае решить, где личное должно отойти на второй план. И это неправда, что счаст-

ливый, полноценный человек глух к страданиям других. Истинно счастливый всегда испытывает потребность творить добро, а если не испытывает, то может быть благополучен, но несчастлив.

Но вернемся к первобытному тотемизму. Солидарность, единство коллектива как выражение социальной потребности общественного существования налагали жесткие ограничения на проявления эгоистических инстинктов в отношении сородичей, «вытесняли» их, но не могли ликвидировать. Стремления к инцесту, физическому устранению соперника, получению пищи в большем количестве и лучшего качества за счет сородича продолжали жить, сосуществуя и конкурируя в явной или скрытой форме с налагаемыми запретами. Это реально существовавшее наличие, как правило, противоположных и даже противоборствующих начал или тенденций, формирующих или регулирующих поведение человека, по-видимому, и привело к возникновению такого специфического для человека свойства психики как амбивалентность (от лат. *ambo*, *ambi* с обеих сторон и лат. *valentis* сила). Амбивалентность — двойственность переживания и отношения, когда один и тот же объект вызывает у человека одновременно противоположные чувства, например любви и ненависти, вожделения и отвращения и т. п.; одно из чувств обычно подвергается вытеснению и маскируется другим. Амбивалентность, по-видимому, возникла как результат социализации отношений в первобытных коллективах, как результат столкновения животных инстинктов с возникшими и приобретаемыми все большее влияние коллективными представлениями. Вы, вероятно, помните, что в психоаналитической литературе понятие «вытеснение» трактуется как защитный механизм психики, обеспечивающий изгнание из сознания неприемлемых инстинктивных стремлений, влечений, переживаний, воспоминаний и т. п. Благодаря нормальному функционированию механизма вытеснения, присущая человеческой психике амбивалентность обычно не нарушает адекватности поведенческих реакций. Но в случаях заболевания, воздействия сверхсильных раздражителей и т. п. амбивалентность проявляется возникновением антагонистических тенденций в психической деятельности, обуславливающих непоследовательность мышления и неадекватность поведения, выступает как ядро невроза навязчивых состояний или как симптом шизофренического процесса. Иными словами, сама по себе амбивалентность — исторически сложившееся свойство человеческой психики, обеспечивающее альтернативу для выбора формы поведения в кон-

кретной ситуации и не сказывающееся на определенности поведенческой реакции. Она выступает как патологический феномен лишь при поломке механизмов принятия решения, но, как уже было сказано, не столько в форме агрессивного поведения, сколько в непоследовательности, противоречивости высказываний, отношения и поступков.

В то же время амбивалентность в условиях неповрежденной психики является как бы инструментом, сохраняющим принципиальную возможность для реализации вытесненных в бессознательное влечений. Для первобытного человека это выражалось в нарушении, в частности, тотемных табу и, прежде всего, табу на инцест и причинении вреда сородичу или тотему, включая их убийство. Именно поэтому суть периодически проводившихся в первобытных коллективах праздников, о которых речь впереди, состояла во временной приостановке действия «табу», включая коллективные инцестуозные эксцессы, а также убийство и коллективное поедание тотемного животного, которое заменяло убийство сородича. Но в этих случаях нарушались «табу» не отдельными людьми, а коллективом в целом и, подобно тому, как вне праздников никто не мог уклоняться от соблюдения «табу», во время праздников никто не мог уклониться от их нарушения. После праздников проводилось очищение, оплакивание и захоронение останков убитого тотемного животного, покаяние и вновь устанавливался обычный режим воздержания или умеренности. Наличие таких праздников несомненно способствовало психической разрядке и поддержанию действенности запретов в обычное время.

Амбивалентность проявлялась не только в отношении сородичей, но и в отношении врагов, чужаков. Мы уже говорили, что в отношении чужака этические «табу» не действовали, агрессивность была основной, хотя и вынужденной, формой поведения. Но амбивалентность как принцип психической деятельности постепенно расшатывала жесткую определенность поведения в отношении врага. И, если, так сказать, на поле боя альтернативой победе была только смерть, то после победы могло возникать осознание тождественности трупа врага труп сородича, осознание тождественности действия (убийство), приводящего к одному и тому же результату и в отношении врага и в отношении сородича. Многочисленные наблюдения этнографов свидетельствуют о том, что у примитивных народов были введены обряды очищения и покаяния для тех, кто во имя интересов своего коллектива пролил кровь врага. Эти обряды были подобны тем, которые проводились в отношении лиц, находящихся в

состоянии «табу»: изоляция, запрет половых сношений, пищевые ограничения и прежде всего запрет на употребление мясной пищи⁴⁷. Вероятнее всего, это глубоко архаичные обычаи, и этнографы объясняют их возникновение более рационально, чем психоаналитики. Этнографы полагают, что ведущая роль в возникновении обрядов очищения и покаяния после убийства врага принадлежит чувству страха мести со стороны духа убитого. И это объяснение, конечно же, логичнее и в большей степени соответствует имеющимся в распоряжении историков и этнографов объективным данным. Другое дело механизмы закрепления двойственного отношения к врагу в сознании человека, и здесь, по-видимому, фрейдовская концепция ближе к истине. И для нас это существенно важно потому, что раскрывает психологические механизмы расширения зоны действия этических «табу» под влиянием первоначально неосознаваемых социально-экономических реалий с одновременным ослаблением силы действия этих «табу» и трансформацией их в законодательные и религиозные установления. Нам становятся понятными не только социальные и исторические, но и психологические истоки прозвучавшей на стадии консолидации греческого этноса, формировавшегося на основе межплеменных союзов, проповеди орфиков о необходимости искупления первородного греха убийства. Нам становятся понятными истоки и длительность пути, пройденного человечеством от введения запрета на убийство сородича до страстной проповеди: не убий. Мы знаем, что заповедь эта сохраняет свою актуальность, что социальные и политические реалии нередко способствуют раскрепощению агрессивных инстинктов, реализуемых в угоду удовлетворения личных, клановых или государственных интересов. И требуется большое мужество, чтобы противостоять или не поддаться соблазну этих раскрепощающих влияний. Но у каждого из нас есть альтернатива. Она заложена долгим, мучительным путем исторического развития человечества. И каждый сам делает свой выбор. И это не правда, что в безнравственном обществе не может жить нравственная личность. Может и живет, иначе человечество прекратило бы свое существование. Трудно, конечно, поклоняться общечеловеческим нравственным ценностям, живя в царстве сатаны. Но делая свой выбор каждый должен спросить себя: «Кто, если не я?».

«Осознание единства» в тотемизме реализуется в идее родства, особой близости, тайной связи человеческой группы с тотемным животным или растением. Эта идея поначалу воспринимается как наиболее фантастичная, составляет, по

словам С. А. Токарева, «самую, казалось бы, загадочную сторону, которая делает тотемизм... особо трудной для объяснения формой верования»⁴⁸. Разумеется, эта идея фантастична, но на проверку она оказалась не столь загадочной. Ведь первобытный человек не мог осознавать любые формы общественных отношений иначе как кровнородственные. Эту идею кровного родства не следует понимать в современном смысле, поскольку в отношениях внутри первобытного коллектива не было ничего индивидуального, и тотемическое кровное родство первоначально означало принадлежность к одному коллективу, к одному полу, к одному поколению. В этой связи многие исследователи видят в тотемизме перенесение единственно доступного первобытному сознанию типа отношений — отношений кровного родства — на окружающую природу. Но тотем не только символизировал кровное родство коллектива, но и, поскольку тотем являлся объектом окружающей природы, он связывал узами кровного родства этот коллектив с территорией, на которой он жил, с флорой и фауной этой территории. Фламандский этнограф А. ван Геннеп еще в 1911 г. писал, что тотемизм есть «распределение между вторичными группировками целого общества (т. е. между родами) частей территории и всего того, что произрастает на этих частях территории или живет на них»⁴⁹. Более четко и определенно эту мысль выразил С. П. Толстов, подчеркнув, что для тотемизма чрезвычайно характерно чувство связи человеческой группы с занимаемой ей территорией, с производственными силами этой территории⁵⁰.

Осознание первобытным коллективом связи с территорией проживания, а также со всеми природными объектами, находящимися на ней, — важнейший этап социального и культурного развития человека. Ведь это означало, во-первых, что человек осознал себя (или первоначально свою группу) частью ойкумены, частью видимого, обозримого и осязаемого им мира. И не центром, а частью, наряду с животными и растениями, рекой, лесом, звездами, т. е. осознал себя (или первоначально свою группу) тем, чем он на самом деле является, без высокомерных амбициозных представлений, что этот мир существует исключительно для него. Во-вторых, с осознания единства клана и занимаемой им территории начинается формирование чувства Отечества, чувства Родины. Становление и закрепление этого чувства связано как с созидательной деятельностью человека, в результате которой занимаемая территория стала соответствовать основным потребностям людей с учетом сложившихся

обычаев, образа жизни и т. п., так и с формированием определенных психологических установок под влиянием мифологии, связывающей эту территорию с самыми сокровенными чувствами, исторической памятью населения, религиозными представлениями и т. п.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле бога самого,
Самостоянье человека
И все величие его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.
Как пустыня
И как алтарь без божества⁵¹.

Но с некоторых пор, а ныне особенно, далеко не все считают любовь и даже привязанность к Отечеству «животворящей святыней». Более того, существует мнение, что привязанность к родному краю — чуть ли не признак отсталости, некий атавизм. Человек свободен, он не должен быть привязан к территории, он должен жить там, где ему лучше, комфортнее, где имеется больше условий для реализации его творческих возможностей. Я не собираюсь посягать на права и свободы человека. Пусть себе реализуется, где может и где хочет. И никого я не осуждаю.

И говорю сейчас не о правах и свободах, а о самостоятельности и величии человека. Ведь комфорт и благосостояние, которых мы так алчем на чужом берегу, кто-то должен был создать. Ведь прежде чем территория стала манить всех и каждого условиями жизни, ее нужно было сделать землей обетованной. И это делали люди, для которых она была единственной, любимой и неповторимой. Они не покидали ее ради чужого хлеба, они ее обустроивали, они были верны родному пепелищу и сделали его цветущим и благоденствующим, они защищали его от врагов, они остались верны отеческим гробам. Они проявили подлинное величие человеческого духа.

Но это, так сказать, эмоциональная сторона вопроса. А эмоциями нельзя злоупотреблять, когда речь идет о сложных социальных процессах. И как бы ни были привязаны первобытные люди к своей «родовой», «племенной» территории, они покидали ее, если иссякали охотничьи ресурсы, или если они не соответствовали возросшей численности коллектива. Мигрировали первобытные коллективы сравнительно часто, но мигрировали родами, племенами, так что связь

с сородичами сохранялась, а воспоминания о прародине поддерживались мифами. Отдельные люди покидали коллектив лишь в случае изгнания. В эпоху древних цивилизаций люди покидали отечество по политическим соображениям, в силу профессии (например, купцы), в случае поражения в войне (угон в рабство). Политические и профессиональные причины лежали в основе эмиграции в эпоху феодализма. Только при капитализме отмечаются массовые выезды за границу по экономическим соображениям — миграция рабочей силы из регионов массовой безработицы. Во второй половине 20 века появляется новый тип эмигрантов — интеллектуальная или художественная элита, для творческой реализации которой необходимы особо благоприятные условия. Осознавая значимость и ценность этого уникального контингента, развитые страны проявляют заинтересованность в его эмиграции. Именно с этими людьми связано появление точки зрения, что привязанность к Отечеству не составляет нравственной ценности. Однако такая позиция не соответствует экономическим реалиям. Производство материальных ценностей, в том числе продовольствия и товаров широкого потребления, требует привязки к территории больших коллективов людей, как производителей, так и работников социальной инфраструктуры. В противном случае человечество, в том числе и его интеллектуальная элита, столкнется с большими трудностями. Вот почему чувство Отечества остается актуальным и должно культивироваться не только как экономическая, но и как нравственная ценность.

* * *

Для правильной оценки социальной и культурной роли тотемизма исключительную важность представляет вопрос о времени его возникновения. На этот счет существуют две точки зрения. Большинство исследователей, считая тотемизм первой формой религии, полагают, что, поскольку до появления Homo sapiens и раннеродовой общины возникновение религиозных представлений было невозможно, то тотемизм возник в раннеродовой общине, закрепив и санкционировав сложившиеся в ней общественные отношения⁵². Он развивался и видоизменялся по мере развития родового общества. Иными словами, большинство исследователей считают, что собственно единство первобытного коллектива и все формы социальных отношений сложились без какого бы то ни было идеологического влияния, и тотемизм не был одним из факторов их формирования и становления, а лишь способствовал осознанию уже возникших общественных отношений, стал их сим-

волом, их религиозной санкцией. Но тогда остается неясным, почему для заключения «идеологического союза» те или иные коллективы избрали определенный вид животного или растения, почему, наряду с «табу» на убийство тотема и употребление его в пищу возник обряд ритуального поедания мяса тотема и т. д.

Сторонники другой точки зрения считают, что временем зарождения тотемизма была дородовая эпоха, что тотемизм старше рода⁵³, что тотемизм возник «примерно в одно время с возникновением настоящей экономической необходимости осознания единства человеческого коллектива и был важным фактором, обеспечившим становление этого единства»⁵⁴. Тотемным стало животное (или растение), которое служило основным источником питания коллектива, от которого в самом прямом смысле этого слова зависело его существование, жизнь каждого члена коллектива⁵⁵. Это объективно существовавшая зависимость коллектива от результатов охоты на определенный вид животных постепенно сформировала представление об общности коллектива с этим видом, а постоянное поедание мяса этих животных — убеждение, что все члены коллектива и все животные определенного вида — «единство одного мяса, одной породы», имеют одну и ту же плоть и кровь. Через общность коллектива с тотемным видом, через представление о том, что животные этого вида являются членами их коллектива, формирующиеся люди пришли к осознанию единства, общности, родства. Представление о родстве в первобытном коллективе, даже на стадии раннеродовой общины, является, таким образом, не физиологическим, а социальным, поскольку оно выражает не отношение одного индивида к другому, а солидарное единство группы⁵⁶. На этом начальном этапе своего становления и развития тотемизм не был религией. Прав Ю. И. Семенов: «... не всякое иллюзорное отражение действительности является религией. ... Основным и характерным признаком религиозной иллюзии, отличающей ее от всякой другой, является вера в сверхъестественную силу, оказывающую влияние на исход практической деятельности человека»⁵⁷. Этой веры не было в раннем тотемизме, его ядром, основной идеей была идея тождественности всех членов определенного коллектива со всеми животными (или растениями) определенного вида. Эта идея и привела к осознанию единства и формированию представления о кровном родстве. По мере обрастания обрядами, формирования представлений о тотемических предках, тотемическом цикле и т. д., тотемизм становится религией⁵⁸. На стадии раннеродовой общины, когда единство коллектива уже было

достигнуто и представление о кровном родстве полностью сложилось и даже появился счет родства, тотемизм трансформировался в религиозную санкцию сложившихся общественных отношений, тотемические обряды приобрели самодовлеющий характер. Одновременно само тотемное животное утратило прежнее значение основного источника питания, ассортимент охоты значительно расширился, и это позволило наложить строгое «табу» на его убийство и употребление в пищу, кроме, как уже говорилось, случаев ритуальной практики. На этой стадии «само тотемное животное играло далеко не самую видную роль, уступая по своему значению символическим предметам»⁵⁹.

Казалось бы, все выглядит логично. Но возникает одно противоречие. Мы с вами говорили, что по мере осознания единства в первобытном коллективе появляются взаимная забота и взаимопомощь, что отражением этой заботы и взаимопомощи являются, в частности, возникновение формирующейся медицины, обычай хоронить умерших и т. п. Почему же тогда продолжалось убийство и поедание тотемного животного, ведь оно тождественно сородичу, и санкция на его убийство и поедание, следовательно, тождественна санкциям на убийство сородича и на каннибализм. Но дело в том, что процесс осознания и становления этого единства, осознания этой тождественности был длительным и постепенным, подобно тому, как половые ограничения не сразу, да и не везде, привели к экзогамии.

Существует точка зрения, что тотемические идеи возникли в стадах с ограниченным по времени промискуитетом, где периоды действия половых запретов чередовались с оргиастическими праздниками. Иными словами, имелась готовая модель для введения пищевых запретов. Но, если половые производственные табу требовали полного полового воздержания, то пищевые табу запрещали употребление определенного типа пищи, а именно мяса тотемного животного. Этот тип пищевых табу, таким образом, привел к разнообразию питания человека сначала в определенные периоды времени, а затем и постоянно. В период оргиастических праздников члены стада получали полную компенсацию как за половое воздержание, так и за временный отказ от мясной пищи, т. е. оргиастические праздники сочетались с зоофагическими⁶⁰, носившими в своей исходной форме тотемический характер. А это означает, что зоофагическая часть праздника должна была содержать действия, свидетельствующие о проявлении заботы о тотемном животном как полноправном члене коллектива. Эта забота проявлялась, во-первых, в его частичной

табуации — в запрете поедать определенные части тела убитого тотемного животного и, во-вторых, в ритуальном захоронении этих частей тела. Частичную табуацию тотемного животного не следует рассматривать как исторически первый пример человеческого ханжества, подмену истинной заботы мнимой. Перестать охотиться на тотемное животное формирующиеся люди не могли. Постепенное введение «табу» на его убийство и поедание как в периоды пищевого и полового воздержания, так и запрет во время зоофагического праздника употреблять в пищу отдельные части тела — важные этапы самоограничения формирующегося человека. Принципиально важным был обряд захоронения табуированных частей тела тотемного животного: считают, что уже у неандертальцев сложилось представление о том, что умерший рождается вновь. Видимо, поэтому при захоронении своих сородичей они придавали им утробное положение. В дальнейшем, подобно тому как удлинявшиеся сроки половых «табу» привели к экзогамии, постепенно была введена полная табуация на убийство и поедание тотемного животного. Но промискуитетные и зоофагические праздники сохранились надолго...

Отголоски сочетания оргиастических и зоофагических праздников многие исследователи видят в праздничных обычаях различных народов от афинских буффоний и медвежьих праздников народов, населявших северные регионы Европы, Азии и Америки, до славянской масленицы и средневековых карнавалов. Периоды действия половых и пищевых (главным образом, мясных) табу также не исчезли бесследно: не исключено, что они трансформировались в посты, во время которых, как известно, предписывались как отказ от животной пищи, так и половое воздержание. Таким образом, религиозные посты, как и вегетарианство, не имеют под собой рационалистической основы, связанной с пользой для организма периодических разгрузок, с отказом, прежде всего, от мясной пищи. Религиозные посты имеют чисто нравственную основу, сочетанную с исторической памятью. Этим заявлением я отнюдь не собираюсь опровергать сотни, а может быть и тысячи, ученых трудов, посвященных пользе постов для организма. Может быть, авторы этих трудов правы. Но многие их исторические реминисценции не выдерживают критики. Попытки рационалистически объяснять обряды, возникшие в первобытном обществе, в принципе дело опасное. Этнографы и историки первобытного общества считают «анекдотичным» истолкование обрезания как гигиенического обряда, направленного на профилактику, в частности, баланита, фимоза и парафимоза. Дело не только в том, что профилактический

эффект обрезания мужчины достаточно сомнителен. Сам обряд был предназначен не для этого: смысл его, вероятнее всего, состоял в том, чтобы максимально продлить время полового воздержания после инициации⁶¹. Поэтому обрезанию подвергались как юноши, так и девушки. Этот обряд дожил до наших дней; у народов, сохранивших его, изменился только возраст, в котором проводят обрезание, причем, у одних народов обрезание сохранилось только для мальчиков, у других — для девочек. Женское обрезание известно меньше, чем мужское, никто никогда не говорил о его гигиенической значимости, но тем не менее, по данным ВОЗ (1986 г.), ежегодно обрезанию подвергается до 70 млн. девушек⁶².

Сочетание оргиастических и зоофагических праздников имело важные последствия для развития тотемических идей и тотемической обрядности. Эти праздники были не только временами коллективных пиршеств, но и периодом весьма интенсивных половых контактов, которые, разумеется, не оставались без последствий. Поскольку интенсивные половые контакты, следовательно и зачатия, были возможны только во время периодически проводимых оргиастических праздников, то роды у женщин коллектива также происходили одновременно и периодически. Эти факты не остались незамеченными и получили определенное истолкование. Однако, как это не странно, но, казалось бы, очевидная связь между половыми сношениями и последующим деторождением установлена не была. Истолкование носило магический характер через тотемное животное — непременно участника зоофагического тотемико-оргиастического праздника — и поедание его мяса. Тотем обеспечивает размножение в коллективе, и, согласно тотемической мифологии, беременность женщины возникает от вхождения в нее тотемического зародыша. Эта идея в дальнейшем получила анимистическое осмысление, и виновниками беременности стали духи. И даже после осознания связи зачатия с половым актом пережитки тотемических представлений исчезли далеко не сразу: идея непорочного зачатия, широко распространенная в мифологии разных народов и особенно хорошо известная нам из христианской догматики, — ничто иное как пережиток представления о внедрении тотемического зародыша.

В тотемизм уходят корни и обряды священного брака, призванного обеспечить плодородие земли, животных и людей. Этот обряд, нашедший отражение во всех политеистских религиях, первоначально мог представлять собой зоофилический⁶³ эксцесс человека с тотемным животным. В обрядовой практике до недавнего времени сохранялись различные фор-

мы имитации такого эксцесса: физическое соприкосновение с убитым тотемным животным, включающее соответствующие телодвижения, имитация полового акта с помощью деревянных фаллосов. Ритуальная, а возможно и бытовая, зоофилия имели определенное распространение в тотемическом обществе и прежде всего в скотоводческих племенах, где зоофилические эксцессы носили не только ритуальный характер и осуществлялись не только с целью увеличения поголовья стада, но и для удовлетворения естественных влечений. Сравнительно большой этнографический материал подтверждает эту точку зрения. В этой связи любопытно, что какими-либо сведениями о табуации зоофилии этнографы практически не располагают, так что вероятнее всего к зоофилическим эксцессам общество относилось значительно терпимей, чем к инцесту. Только на стадии антропоморфизации пантеонов, когда боги в человеческом облике начинают противопоставляться миксантропическим существам (полулюдям — полуживотным) как чудовищам, появляются мифы, в которых звучит предостережение в отношении зоофилических эксцессов. К их числу, в частности, относится миф о рождении Минотавра⁶⁴. Напомню кратко его сюжет. Три брата, сыновья Зевса, Минос, Сарпедон и Радамант были усыновлены бездетным критским царем Астерием. После смерти Астерия для получения царской власти Минос обратился к владыке морей Посейдону, чтобы из глубины моря появился бык, дав при этом обет принести этого быка в жертву. Но посланный Посейдоном бык был так прекрасен, что Минос решил оставить его у себя, а принес в жертву другого. Разгневанный Посейдон наслал на быка свирепость и внушил любовную страсть к нему жене Миноса Пасифае. Влюбившись в этого быка, Пасифаа обратилась за помощью к жившему на Крите афинянину Дедалу⁶⁵, который соорудил деревянную корову на колесах, выдолбил ее изнутри, обшил снаружи свежесодранной коровьей шкурой и выставил на луг, поместив во внутрь Пасифаю. Критский бык вступил в любовную связь с Пасифаей, как с обычной коровой. От этой связи родился Минотавр, принесший на Крит неисчислимые бедствия. По указанию оракула Минос заключил Минотавра в построенный Дедалом Лабиринт⁶⁶. Неизвестно, сколько времени провел Минотавр в этом Лабиринте и сколько бы прожил еще, если бы на Крите не появился сын афинского царя Тесей⁶⁷, проникший в Лабиринт и убивший чудовище. Итак, перед нами налицо зоофилический эксцесс, совершенный не с ритуальной целью, а для удовлетворения влечения, действие, так сказать, планомерно подготовленное, которому было даже оказано стороннее со-

действие. Участники эксцесса, на первый взгляд, остались без наказанных. В результате этой мифологической связи родилось чудовище и прежде всего в этом состоит расплата и коллектива, и самой Пасифаи за ее зоофилический эксцесс. Примечательно и другое. Посейдон внушил любовную страсть Пасифае к критскому быку как наказание, как месть, и, следовательно, общество на этапе формирования и укрепления раннеклассовых государств относилось к зоофилии с осуждением.

Тотемные верования и обрядность способствовали формированию и закреплению не только зоофилии, но и другой значительно более распространенной и живучей формы сексуального поведения — гомосексуализма. Есть основания считать, что ритуальный гомосексуализм, который, по мнению известного этнографа С. А. Токарева, был связан с бытовым и психологическим гомосексуализмом⁶⁸, имел определенное распространение в тотемных коллективах. С периодом тотемизма связывают и обрядовую практику «перемены полов» (травестизм), смысл которой состоял в магическом повышении потенции человека. Травестизм, несомненно, — выражение идеи двуполости, бисексуальности человека, точнее бисексуальной психологической установки, «психического гермафродизма», который, по мнению З. Фрейда, лежит в основе гомозотического поведения. Такие установки в форме представления о двуполох предках (и позднее богах), с которыми мы встречаемся в египетской, индийской, греческой мифологии, могли возникнуть в первобытном коллективе как реакция на длительно продолжавшиеся половые запреты (двуполые предки переносили их без особых сложностей, поскольку могли удовлетворять свои влечения без помощи партнера). Бисексуализм и, следовательно, гомосексуализм, как и инцест, распространены в животном мире, но отношение к этим наследиям животных предков в первобытных коллективах было различное. Во всяком случае, достоверных данных о табуации гомосексуализма не имеется. Более того, в мифологии различных народов, и особенно в греческой, мы встречаемся с многочисленными сюжетами гомозотических эксцессов и привязанностей в рамках бисексуальности персонажей. Об этих эксцессах рассказывается как об обыденных, не встречающих осуждения и даже удивления фактах. Половые табу в первобытных коллективах, устанавливавшие периоды полового воздержания, по-видимому предусматривали ограничения спаривания лиц противоположного пола. В этом случае магический обряд «перемены пола» создавал возможность удовлетворить влечение, не нарушая «табу». Не исключено, что

обряд «перемены пола», сопровождавшийся ритуальным гомосексуальным эксцессом, входил в «программу» промискуитетных оргиастических праздников и инициаций юношей. В последнем случае можно предположить, что гомосексуальный эксцесс с юношей идентифицировался с ритуальной дефлорацией, проводившейся во время инициации девушек. Магический смысл такого эксцесса состоял, по-видимому, в том, что юноше, вступающему в возрастную группу мужчин, таким образом передавалась мужская производительная сила. Похоже, что именно в первобытных коллективах начала формироваться, а может быть и сформировалась, психологическая установка примата влечения над объектом, которую З. Фрейд считал отличительной особенностью сексуального поведения древних.

Пережитки и последствия магико-тотемической обрядности обнаруживаются не только в сфере сексуального поведения.

Так, важнейшее место в тотемической обрядности занимали тотемические танцы и охотничьи тотемические пляски. Сущность тотемического танца состояла в уподоблении человека своему тотему: надев маску и шкуру, танцующий подражал повадкам и движениям животного, веря при этом, что реально преобразается в тотемное животное. Такой переход, перевоплощение осознавались как естественные на основе тотемического принципа тождественности тотемного вида с коллективом формирующихся людей. Магическое осмысление этих инсценировок естественного поведения и повадок тотемного животного (тотемные танцы), охотничьей маскировки и действий во время охоты (охотничьи тотемические пляски) сделало их сначала непременным атрибутом обряда размножения тотемного вида и обрядовых церемоний перед охотой. Они расценивались как действия, необходимые для получения положительного результата. В дальнейшем они стали отрываться от соответствующих церемоний, приобретая самостоятельное значение при сохранении веры в возможность достижения намеченного результата.

Под влиянием отрыва от первоначальной задачи тотемные пляски получили новое переосмысление: они стали рассматриваться как сцены из жизни далеких предков, а в дальнейшем послужили основой для связанных рассказов — повествований о жизни и приключениях тотемических предков. Таким образом, тотемическая обрядность, переосмысливаемая в соответствии с уровнем развития общества, послужила как бы истоком для театрального действия (не только танца) и мифологии.

Вообще, если говорить о музах, то тотемизм дал богатый урожай. Своим возникновением ему в значительной степени обязаны различные виды изобразительного искусства. Первые реалистические рисунки берут свое начало от магико-тотемической идеи возможности воздействия на тотемное животное через его изображение. Рисунок — развитие тотемного танца, тотемной маскировки: от подражания повадкам животного, надевания шкуры и маски, разрисовки тела, перевоплощение человека в тотем отрывается от исполнителя и застывает на длительный срок, на вечные времена на стене пещеры или грота. Рисунок, разумеется, не дает возможности перевоплотиться в тотем, но по мысли первобытного человека приумножает тотемный вид. Подобно пляске рисунок переосмысливался и в конце концов его авторы перешли к изображению эпизодов из жизни тотемных предков и бытовых сцен. С тотемизма берет начало скульптура и не просто изображение тотемного животного, но и подчас сложная символика тотемного знака. Наконец, связь с мифологией определила роль тотемизма в осознании необходимости исторической памяти. Последняя в значительной степени связана с осознанием противоположности тотемной группы другим группам, с мифологизацией тотема, т. е. возникновением фундаментального представления о тотемических предках. Вера в тотемических предков — естественный этап мифологизации тотемизма, закрепление его незыблемости.

Социальные задачи тотемизма были выполнены, единство коллектива, привязанность к территории и экзогамия были достигнуты. Иных социальных идей тотемизм выразить не мог и, следовательно, идеология тотемизма в социальном плане порождала стагнацию и противоречия. Для сглаживания возникающих противоречий необходимо было самоусовершенствование, саморазвитие. Поздний тотемизм идет на компромисс, уменьшая жесткость своей коллективистской направленности: появляются индивидуальные тотемы как признание права на индивидуальность. Усиливается обрядовая магическая сторона верований, символизация. Само табуированное тотемное животное отходит на второй план, возникает идея о предках — родоначальниках группы как новой формы истолкования связи группы с ее тотемом. Речь идет собственно не об истинных предках, а о неких зооантропоморфных существах (вспомните древнегреческих кентавров), наделенных особой мудростью и сверхъестественными возможностями. Это от них берет начало род, с их жизнью и подвигами связан каждый участок территории, занимаемой родом. Это они ввели действующую систему верований и формы общественной

жизни, которые поэтому не подлежат изменениям. Таким образом, тотемические предки — праобраз культурного героя древних цивилизаций. Представление о тотемических предках не что иное, как мифологическая персонификация чувства единства группы, общности ее происхождения и преемственности традиций, религиозно-мифологическая санкция обычаев общины. Тотемические предки — сверхъестественные учредители тотемических обрядов и «табу», соблюдаемый группой.

В неразрывной связи с верой в тотемических предков находятся представления о тотемическом цикле рождения и смерти. Уже в раннеродовой общине существовала половая и возрастная градация. Последняя делила весь род на три возрастные группы: детей, людей зрелого возраста и стариков. Переход из одной возрастной группы в другую сопровождался обрядом посвящения (наиболее важным, конечно, был переход подростков во взрослое состояние) для выполнения новой роли в жизни общины. Значение этого периода магикототемически осмысливалось как представление о смерти и рождении. Жизнь и смерть — два постоянных спутника первобытного человека. Новорожденного приветствуют как одного из умерших предков, вновь возвратившегося к жизни, т. е. как повторное воплощение тотема в человеческом образе, ему возвращают имя умершего и его индивидуальный тотем. Юношу или девушку, достигших половой зрелости, провожают на инициацию, как на смерть. В число испытаний на инициации включалось действие умирания (нанесение повреждений, введение в сон или бессознательное состояние) с последующим «рождением» и присвоением нового имени. Таким же образом отмечался переход из зрелого возраста в старческий. Наконец, после смерти покойника оплакивали, но как надежда на возвращение устраивалась тризна. Умерший становился тотемическим предком, он возвращался при новом рождении, чтобы вновь пройти весь цикл. Рождение есть смерть, а смерть есть рождение. Это положение лежит в основе всех религий. И еще в тотемическом цикле начинает проявляться вера в реинкарнацию. Эта идея особенно глубоко разработана в древнеиндийской религиозной философии и в философии Пифагора, там она связана с идеей переселения душ.

МАГИЯ, ЕЕ СУЩНОСТЬ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ. МАГИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Сегодня мы будем говорить, пожалуй, о самом загадочном, самом противоречивом и одновременно самом живучем феномене мышления, возникшем у первобытного человека и сопровождающем человечество до настоящего времени, феномене, оказавшем огромное влияние на становление и развитие практически всех сфер культуры — религии, науки, искусства, медицины, лечебной и профилактической деятельности. Я имею в виду магию, которую современный образованный человек на людях громогласно называет набором суеверий и шарлатанством, и все же порой обращается к ней с тайной надеждой на помощь, маскируя чувство смущения любопытством или иронией. Так что же такое магия?

В современных отечественных нормативных источниках вы прочтете, что магия (от греч. *mageia* волшебство, колдовство) — «обряды, связанные с верой в сверхъестественную способность человека (колдуна, мага) воздействовать на людей и явления природы»⁶⁹. Такое определение при всей его формальной корректности все же не может быть принято безоговорочно, ибо оно скорее фиксирует отношение современного цивилизованного человека к чуждой его стилю мышления деятельности, чем вскрывает сущность явления, которое реально существует несколько десятков тысячелетий. Во-первых, приведенное определение трактует магию как некий набор действий, а не как целостную систему практической деятельности. Во-вторых, в нем магия рассматривается как чисто практическая деятельность; из приведенной формулировки следует, что магия это собственно обряды, а вера «в сверхъестественную способность человека воздействовать на людей и явления природы» составляет более широкое понятие. Между тем, еще Гегель указывал на наличие «магической теории», являющейся, правда, вторичной, или, как он писал, «определяемой» по отношению к «магической практике», но все же «теоретический», мировоззренческий компонент в магии, по его мнению, присутствует. Многие крупные этнографы в той или иной мере обращали внимание на известное единство в магии мировоззренческих аспектов и практической деятельности. Такое представление о магии, в частности, развивал авторитетный этнограф-эволюционист Дж. Фрэнсер⁷⁰.

«Короче говоря, — писал он, — магия является искаженной системой природных законов и ложным руководящим принципом поведения; это одновременно и ложная наука, и бесплодное искусство. Как система природных законов, то есть совокупность правил, которые «определяют» последовательность событий в мире, она может быть названа магией теоретической. В качестве же предписаний, которым люди должны следовать, чтобы достигнуть своих целей, она может называться магией практической. Вместе с тем следует иметь в виду, что первобытный колдун знает магию только с ее практической стороны. Он никогда не подвергает анализу мыслительные процессы, на которых основываются его действия, никогда не размышляет над заключенными в них абстрактными принципами». Магия, таким образом, по мнению Дж. Фрэзера, выступала, с одной стороны, как идеология и мировоззрение первобытного человека, синтетически соединяющая рациональное и иррациональное, с другой — как этап развития, а точнее реализации, архаического сознания, соединяющий и будущую науку, и будущую религию, как реальный практический опыт и иллюзорное его осмысление. Наконец, Дж. Фрэзер определенно указывает на преобладание в магическом мышлении чувственного над логическим, иррационального над рациональным, стереотипного над аналитическим⁷¹. В-третьих, что собственно означает в приведенном выше определении эпитет «сверхъестественная»? О чем идет речь? Сама по себе способность человека воздействовать на людей и явления природы трактуется как сверхъестественная, или имеются в виду приемы, методы, действенность которых возможна только в случае подключения неких сверхъестественных сил, так сказать магические технологии? Конечно, сама по себе способность человека воздействовать на людей и явления природы в принципе не может быть признана сверхъестественной. Другое дело мера воздействия. Что же касается самого понятия «сверхъестественное», то здесь нужно иметь в виду по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, представление о «сверхъестественном» появилось не сразу с возникновением сознания и не является таким образом обязательным атрибутом общественного сознания первобытного общества. Есть основания говорить о длительном этапе развития сознания, когда, по словам В. Р. Арсеньева, «представление о сверхъестественном еще не сформировалось, но уже существует в недрах общественного и индивидуального сознания этой эпохи, как лежащее за границами подтвержденного общественной практикой опыта, как ощущаемое, но неосознанное иррациональное»⁷². Этот весьма длительный

этап общественного развития, по-видимому, и был периодом господства магии как идеологии и мировоззрения, как формы или способа восприятия мира, как стратегии и тактики воздействия на него. Лишь на завершающих этапах развития первобытного общества представление о «сверхъестественном» получает осмысление и становится основой религиозного сознания.

Во-вторых, уже возникшее и реально существующее представление о сверхъестественном существенно менялось и продолжает меняться по мере развития науки и техники. Хочу напомнить вам, что еще в 18 веке гравитация и гипнотизм отвергались наукой, трактовались как «окультиные явления»⁷³, несовместимые с научной картиной мира. Подобные примеры могут быть приведены и из истории науки 20 века — достаточно вспомнить о телепатии, телекинезе, экстрасенсорных воздействиях. Этими примерами я вовсе не хочу бросить тень на науку, обвинить ее в косности и консерватизме. Возможности науки на каждом этапе ее развития не безграничны: не каждое природное или социальное явление может быть адекватно исследовано. Но косность и консерватизм бывают свойственны отдельным деятелям науки. И все, что не укладывается в их представлении или все, что еще не познано, они объявляют сверхъестественным, выносят за пределы научной картины мира. Следование привычным представлениям, этакий здоровый, разумный консерватизм вполне имеет право на существование. Но мне бы хотелось предостеречь вас: не отмахивайтесь от непонятного, не руководствуйтесь в научной работе принципом «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Не забывайте завета А. Флеминга⁷⁴: «Никогда не пренебрегайте тем, что кажется внешне странным или каким-то необычным явлением: зачастую это ложная тревога, но это может послужить и ключом к важной истине»⁷⁵.

Неопределенность, вносимая эпитетом «сверхъестественное» в дефиницию термина «магия», не ограничивается сказанным выше. Отнесение того или иного действия или явления к разряду «сверхъестественных» в значительной степени зависит от характера осознания человеком окружающего мира в целом и данного явления, в частности. И если рассматривать магию исторически, а только исторический подход дает нам возможность понять, что такое магия, какую роль она сыграла в развитии человечества и его культуры, сохранилась ли она сегодня и каково ее значение для современного человека, нам следует отказаться от употребления исторически

неопределенных выражений таких, например, как «...вера в сверхъестественную способность...» или «...различные суеверные человеческие действия, имеющие целью влиять сверхъестественным образом...» (С. А. Токарев), а исследовать и оценивать значение магии в контексте конкретной эпохи с учетом всех, присущих ей особенностей.

Существует мнение, что магия возникла в коллективах неандертальцев, когда начало зарождаться, формироваться абстрактное мышление, а с ним и осознание окружающего мира, своего места в нем, своих действий, т. е. та самая рефлексия, наличие которой принципиально отличает динамичный и постоянно развивающийся человеческий разум от «рассудочной» деятельности и «знания» животного⁷⁶. Мы уже отмечали с вами, что мустьерское время (эпоха, когда жили неандертальцы) рассматривается как узловый поворотный момент в развитии социально-бытовых отношений, орудийной деятельности, языка и мышления. В отношении эволюции мышления имеются различные точки зрения. Я приведу две из них, которые представляются мне особенно существенными. Первая, наиболее распространенная, исходит из положения, что человеческое мышление на протяжении всей истории было качественно неизменным и, в частности, всегда было логическим и только логическим. В процессе развития практической деятельности, познания окружающего мира происходила эволюция мышления, причем все изменения носили чисто количественный характер: мышление современного человека отличается от мышления человека более ранних эпох степенью зрелости, которая в свою очередь определяется степенью объективного познания окружающего мира. Люди, жившие в более ранние эпохи, знали о мире меньше, чем современные, были менее образованы (или, если хотите, более невежественны); естественно, они чаще впадали в логические ошибки и разные заблуждения. Непознанные явления природы вызывали у них суеверный страх, и они наделяли их различными фантастическими и сверхъестественными свойствами. На этой основе возникли и развились различные символические, магические, религиозные и, в конечном счете, идеалистические формы осознания окружающей действительности. Так упрощенно и схематично выглядит традиционный взгляд на эволюцию мышления. Этот «взгляд», по-видимому, хорошо известен вам в более конкретном, детальном и, наконец, более научном изложении. Эта точка зрения существует давно. Ее разделяли крупные ученые, на ее основе символические, магические и религиозные представления первобытного человека и древних характеризовались

как «превратное мирознание», что, впрочем, вполне извинительно для людей с незрелым мышлением. Правда, мне, например, непонятно, почему мышление Платона, Сократа или Аристотеля было менее зрелым, чем современного профессионального философа.

Не поймите, пожалуйста, мои слова как насмешку или недостаточную почтительность к традиционной точке зрения в отношении эволюции мышления. Повторяю, опираясь на нее, многие крупные философы, психологи, этнографы создали выдающиеся труды. Она и сейчас является вполне работающей теорией, но с ее помощью можно объяснить далеко не все. В частности, остается непонятным, почему мы все чаще и чаще возвращаемся к наследию древних, открывая в нем новые, ранее незамеченные или отвергнутые нами ценности, включая их с тысячелетним или вековым опозданием в созданную нами объективную картину мира и в арсенал практической деятельности, в том числе и медицинской? Не потому ли, что люди отдаленных от нас эпох осознавали окружающий мир качественно иначе и не поняв того, что понял цивилизованный человек нового времени, увидели и поняли значимость явлений и действий, отброшенных нами в пылу мировоззренческих баталий. Ведь до сих пор неясно, где проходит «демаркационная линия» между научным и ненаучным, о которой так много пишут и говорят сегодня науковеды. Да и существует ли она, может быть правильной говорить о различных формах познания действительности?

Сторонники второй точки зрения считают, что этапы эволюции мышления отличаются прежде всего качественным своеобразием. В начале нашего столетия французский философ и этнограф Л. Леви-Брюль⁷⁷ выступил с теорией «пралогического» (дологического) или «мистического» первобытного мышления⁷⁸. Полемизируя с представителями так называемой эволюционной школы (Э. Тайлором⁷⁹, Дж. Фрэзером и др.), считавшими, что первобытный человек мыслил так же логически, как и современный. А. Леви-Брюль утверждал, что в «нижних обществах» преобладали «коллективные представления»⁸⁰, принципиально отличающиеся от мыслительной деятельности цивилизованного человека. «Пралогическое» мышление управляется не по законам логики, а по так называемому «закону сопричастия», согласно которому воспринимаемый объект может быть одновременно и самим собой, и иным, находиться одновременно в различных местах, свойства изображения тождественны свойствам оригинала и т. п.⁸¹. Вместе с тем, Л. Леви-Брюль считал, что в сфере личного опыта первобытный человек мог мыслить логически,

как и полагал, что элементы «пралогического» мышления оказывают действие на определенные явления современной жизни (религия, мораль, социальное мифотворчество и т. п.). Процесс эволюции мышления, по Л. Леви-Брюлю, состоит в постепенном вытеснении логическим мышлением мышления «пралогического», хотя полного вытеснения не достигнуто, и в современном человеке элементы «пралогического» мышления продолжают жить, оказывая влияние на представления об окружающем, личностные ценностные ориентации, характер творческой деятельности.

Работы Л. Леви-Брюля неоднократно подвергались обстоятельной и справедливой критике. Но главные его идеи — существование «пралогического» мышления и сосуществование в различных соотношениях «пралогического» и логического в стиле мышления людей различных эпох — получили дальнейшее развитие. Сегодня многие зарубежные и отечественные ученые признают начальной стадией развития мышления так наз. первобытное мифологическое мышление и считают, что процесс эволюции мышления шел по пути его относительной демифологизации. Именно относительной, потому что полная демифологизация чревата вытеснением из нашего сознания символических представлений, ограничением возможностей абстрактного мышления и т. п.

Наш короткий экскурс в сферу эволюции мышления представлялся мне необходимым, хотя в одной из лекций бегло упоминалось о мифологическом сознании, и даже говорилось, что только в его контексте и с учетом присущих ему коллективности, цельности окружающего мира, неразделимости и тождественности человека и природы может быть правильно понята сущность ранних форм общественного сознания. Только в этом контексте они освобождаются от наслоений иллюзорности, «превратного мирознания» и воспринимаются как естественный этап духовного развития человечества. Осознание какого-либо явления или точки зрения с позиций чуждого стиля мышления относится к числу наиболее сложных мыслительных операций. О трудностях такого перевоплощения применительно к оценке феноменов первобытного сознания предупреждал еще Л. Леви-Брюль. «Логическое и пралогическое — писал он, — не накладываются одно на другое, подобно маслу и воде в сосуде. То и другое мышление взаимно проникают друг в друга, и в результате получается как бы смесь, составные части которой нам трудно оставлять неразделенными. Так как в нашем мышлении логическая дисциплина исключает во что бы то ни стало все то, что ей очевид-

но противоречит, то мы не в состоянии принорочиться к такому мышлению, где логическое и пралогическое сосуществуют и одновременно дают себя чувствовать в умственных операциях. Пралогический элемент, который еще сохраняется в наших коллективных представлениях, слишком слаб для того, чтобы позволить нам воспроизвести такое состояние мышления, где пралогический элемент господствует, но не исключает логического элемента»⁸². Как видите, трудности очевидны и объективны. Но ремесло историка тем и отличается от ремесла летописца, что ему необходимо жить временем, которое он изучает, и при этом стоять на позициях современного ему мировоззрения. Только при этих условиях можно объективно вскрыть сущность изучаемого явления, понять его значимость для своего времени, оценить роль для дальнейшего развития, для будущего.

Но вернемся к магии. С позиций концепции о существовании первобытного мифологического сознания возникновение магии — естественный этап духовного развития человечества. Но для правильной оценки этого феномена нужно отличать собственно магию как идею, как форму осознания окружающего мира от магических технологий, средств и методов реализации этой идеи. В собственно магии проявилось убеждение первобытного коллектива в принципиальной возможности человека воздействовать на природу, других людей, животных, растения и т. д. В этом отношении я полностью солидарен с позицией финского этнографа и лингвиста, большого поклонника Гегеля М. А. Кастрена, который видел в магии «непосредственное проявление господства человека над природой»⁸³. Это положение в известной мере разделял и Дж. Фрэзер⁸⁴. Наконец, оно поразительно совпадает с поэтическим представлением о магии Максимилиана Волошина:

И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу⁸⁵

Возникновение магии было совершенно закономерным явлением. Формирующийся человек рано осознал наличие серьезных препятствий для выживания, и стадный инстинкт подсказал ему универсальные магические, или во всяком случае противоречившие логике пути выживания — достижение единства, коллективный труд и коллективное распределение добычи. Вы спросите: почему я называю эти пути противоречившими логике, и не вступает ли такое заявление в противоречие с тем, что мы обсуждали на предыдущих лекциях?

На вторую часть вопроса можно спокойно ответить «нет»: на прошлых лекциях мы рассматривали проблемы, не касаясь магии, хотя обсуждаемые процессы протекали в том числе и под ее влиянием. Теперь о первой части вопроса. Первобытное стадо возникло, как известно, на основе зоологических объединений высших приматов, живших гаремными семьями. Эти объединения быстро распадались из-за конфликтов на сексуальной почве и из-за пищи. Подобные конфликты продолжались и в первобытном стаде. Их преодоление было процессом длительным, требовало самообуздания и компромиссов. Разве в этих условиях не более логична попытка выжить в одиночку или гаремной семьей? Ведь при этом снимаются присущие стаду конфликты и полученной добычей не нужно делиться ни с кем (напомню: налогов тогда не было), а самое главное, можно было оставаться самим собой, без всяких самоограничений, самообуздания и компромиссов. Так сказать, хоть и зоологическая, но все же индивидуальность, а не какой-нибудь винтик управляющего тобой коллектива. Однако формирующийся человек поставил перед собой сверхзадачу — пересоздать себя, пойти против своего животного естества. Какая ж тут логика? Это, если хотите, бунт, мятеж.

Магия и была, по сути, мятежом, вызовом формирующегося человека природе и собственному естеству. И орудием этого мятежа формирующийся человек избрал магические технологии: «табу», которые Дж. Фрэзер справедливо считал «отрицательной» магией⁴⁶; элементы организации труда, где основным организующим началом было магически осмысленное слово; приемы подражательной магии, закрепляющие совокупность действий, с помощью которых был достигнут соответствующий поставленной цели положительный результат и т. п. Тяжкий и долгий путь прошло человечество: от промискуи тета до экзогамии, от орудий из грубо оббитой гальки до скребла, резца и ножа с концевой затеской, от постоянных конфликтов с исходом в убийства и каннибализм до взаимной заботы. Каждый этап этого пути приносил позитивные сдвиги в укреплении единства, улучшении условий жизни и, говоря современным языком, психологического климата в коллективе, где формирующийся человек получал уверенность в том, что он будет жить как все и не хуже, чем все. Обретая все большую уверенность в своих силах, единый коллектив вводит в форме тотема самопочитание. На этой основе начался период расцвета, период господства магии, выражающий идею господства человеческого коллектива над природой. Напоминаю вам: это был период, когда коллектив достиг многого, когда над коллективом не было никакой вла-

сти, ибо он сам осознал себя собственным божеством. Но существовала идея общественной опасности, существовали неблагоприятные обстоятельства, природные явления, враги, болезни. Вряд ли первобытный человек в этот период осознавал их как сверхъестественные, вряд ли вообще могла существовать такая форма осознания в мире, еще не населенном богами, духами и демонами. Они, по-видимому, осознавались как таинственные непонятные силы, которых следует остерегаться, а самое главное — обладать средствами борьбы с ними. Средствами борьбы стали различные формы магической практики — магические технологии: обряды, танцы, заговоры и т. п. Не из чувства страха и бессилия появились и развились магические действия. В мире без богов, демонов и духов человек был надежно защищен коллективом. Какое тут бессилие, если человек убежден в возможности воздействовать на силы природы, на врагов, на болезни, если он полон решимости преобразовать мир, если он мнит себя господином мира, ибо в его руках магия. О каком страхе перед непонятными явлениями природы может идти речь, если он знает средства борьбы с ними. Не просит у них милости, не поклоняется им, а либо, сознавая их силу, применяет предупредительные меры («табу»), либо борется с ними. Это ли бессилие, это ли страх? Скорее, наоборот — это осознание своей силы, своего исключительного положения — истоки грядущей человеческой гордыни.

Чувство страха и бессилия появятся потом, когда начнут возникать новые социальные отношения, когда придут неформальные, а затем формальные лидеры, когда возникнут власть и неравенство, и коллектив перестанет быть объектом почитания, когда появится личная собственность, а мир начнет заселяться сверхъестественными существами — духами, демонами. Сверхъестественными потому, что нет на них управы. Не столько от того, что магия слаба, сколько от того, что утратит человек веру в собственные силы, ибо потеряет опору в коллективе, а новую найдет не сразу. Но, если большинство покорится, падет ниц и будет ждать милости богов, то сама магия останется непокоренной. Найдутся люди (их будут звать колдунами, волшебниками, ведьмами), которые согласятся на всеобщее непонимание, недоброжелательность, отшельничество, но останутся верны вере в безграничные возможности человека, они будут убеждены, что магия способна заставить богов и демонов подчиниться их воле. Видимо, эта вера в безграничные силы человека, в его исключительное положение и привлекала к магии деятелей Возрождения. Магия и осталась непокоренной, дав начало

религиозным обрядам, науке, искусству, гонимая и преследуемая, она продолжает жить. Она сохранила для нас веру в резервные возможности человеческого организма, в способность человека использовать свои биологические свойства и психическую энергию для воздействия на других людей и окружающие предметы. Она сохранила для нас веру в силы человека, а с ними способность к преобразованиям, протесту и мятежу.

Магическая медицина

Теперь настало время обсудить проблемы, более близкие нам профессионально. Магия естественно не обошла медицину: анализ магических действий с позиций их социальной направленности и роли, выполняемой ими в жизни людей, показывает, что медико-гигиенические цели занимали существенное место в магической практике. Не случайно в обстоятельной классификации магических обрядов, предложенной С. А. Токаревым, из 7 основных видов магических обрядов 3 имеют непосредственное отношение к медико-гигиенической практике⁸⁷. Это вредоносная («черная») магия или ведовство, половая (любовная) магия, лечебная и предупредительная магия или знахарство.

Вопрос о роли магии и магической практики в развитии медицины на первый взгляд решен окончательно и бесповоротно. Подавляющее большинство историков медицины считает, что магия не принесла медицине ничего, кроме вреда, а различные приемы лечебной магии — ничто иное как дикие суеверия, существование которых, конечно, понятно и извинительно для той эпохи, в которой они возникли. Развитие первобытной медицины им представляется примерно так. Люди, «подсматривая за животными», а также в процессе освоения растительной пищи, открыли для себя целебные свойства различных растений. Затем также методом «проб и ошибок» открыли возможность использования для лечения болезней животного сырья, обратили внимание на лечебные свойства минеральных вод и т. д. На этой основе возникла эмпирическая народная медицина. В дальнейшем в связи с развитием предрелигиозных и религиозных представлений с медико-гигиеническими целями начали использоваться магические, обрядовые действия. «Обряд, с одной стороны, закрепил приобретенные знания и приемы и тем самым способствовал их передаче из поколения в поколение; с другой стороны, канонизируя их, устанавливая строгую последовательность медицин-

ского ритуала, он в определенной мере суживал возможности включения новых эмпирических знаний в систему накопленного медицинского опыта, мешал избавлению от неэффективных приемов и концепций. На поздних ступенях развития родового общества религиозно-магические действия и словесные формулы как проявления идеологической основы врачевания играют все большую роль, подчас полностью подменяя рациональные приемы»⁸⁸. Извините, но я цитировал самого себя, цитировал статью, написанную двенадцать лет назад. В этой почти щедринской формулировке («с одной стороны, следует сознаться, с другой стороны, нельзя не признать») — не только дань времени, в ней выразилась нечеткость позиции, прикрытая формальной правотой. Точнее говоря, из нее выброшено самое главное — представление о единстве эмпирических, или, как их обычно называют, рациональных, приемов и магических, обрядовых действий в первобытной медико-гигиенической деятельности на определенном этапе ее развития. Старые и постоянно муссируемые в историко-медицинской литературе мысли о параллельном существовании эмпирической (народной) медицины и магических приемов и о том, что заложенное в народной медицине рациональное начало подавлялось магической практикой, и что практическая неэффективность магических приемов заставляла колдунов сочетать свои колдовские манипуляции с рациональными, почерпнутыми из арсенала народной медицины средствами лечения, приписывая при этом основную заслугу в позитивном результате магическому сопровождению, — все это в приведенной цитате не сказано, но незримо присутствует.

Что же, все перечисленные «мысли», переходящие из учебника в учебник, не верны? На такой вопрос нельзя ответить однозначно. По-видимому, в развитии первобытной медицины нужно выделить несколько этапов. В процессе развития «формирующейся медицины», о которой мы подробно говорили с вами, происходила трансформация унаследованных от животных инстинктивных действий (отыскание и использование лекарственных растений, щажение поврежденных участков тела и т. п.) в человеческую медико-гигиеническую деятельность. Параллельно с этой трансформацией возникали и новые приобретения, связанные, в частности, с присущей уже формирующемуся человеку практикой использования орудий труда, — например, применение привязанной палки для обеспечения щажения и фиксации конечности при переломе, т. е. то, что мы называем иммобилизацией. Практические приемы «формирующейся медицины» на следующем этапе

развития первобытной медицины были осмыслены с позиций той коллективной формы мышления, которую именуют первобытным мифологическим сознанием, т. е. первоначально магическим. Иными словами: во-первых, магическая медицина вначале была не совокупностью магических приемов, применяемых в медико-гигиенической практике первобытного человека, а этапом развития медицины. Это потом, когда магия перестала быть ведущей формой общественного сознания, а занятие магической практикой *par excellence* стало уделом одиночек, можно говорить о магических приемах, магических действиях, которые продолжали применяться в медицине. Но и после анимистического осмысления медико-гигиенической деятельности и возникновения демонологической медицины магическое начало в медико-гигиенической деятельности было лишь поколеблено, но не утратило своей значимости. Произошла персонификация этиологического фактора — основными причинами болезней стали духи и демоны, а действие колдовства опосредовалось через его влияние на душу человека. Что же касается лечебных и предупредительных приемов, то они мало изменились, разве что усложнились некоторые обрядовые действия. Только в эпоху древних цивилизаций начинается процесс дифференциации медицины на храмовую и светскую, но и тогда магический, обрядовый элемент долгое время сохранял свое значение в практической деятельности обоих направлений. Из всего сказанного вовсе не следует, что в процессе развития первобытной медицины не происходило каких-либо изменений в «медицинском мировоззрении», так сказать в теоретических представлениях. По мере внедрения в медицину анимистических представлений, а затем передачи решения вопросов здоровья и болезни, лечения и профилактики на откуп богам, самому человеку, его организму, его силам и возможностям придавалось все меньшее значение в возникновении болезней и избавлении от них. Это, как вы наверное понимаете, принципиальный вопрос. И мы позднее вернемся к нему.

Во-вторых, магическая медицина как этап развития медицины не может противопоставляться медицине народной как иррациональное, фантастическое рациональному, исходящему из опыта. Ведь магия отражала коллективные представления и в этом смысле магическая медицина была более народной (т. е. более всеобщей), чем эмпирическая, поскольку коллективный опыт возникает как распространение опыта индивидуального. Ведь кто-то первым должен был вкусить ядовитый плод, потом вторым, третьим и т. д., чтобы родилось рациональное представление о его ядовитости, которое потом

укрепилось в массовом сознании и стало передаваться из поколения в поколение как непреложная истина, как коллективный опыт. Но главное не в этом, а в том, что посредством магических представлений, так сказать пралогически, была осмыслена вся медико-гигиеническая практика, все ее приемы и методы. Не было и не могло быть никакого разделения на магическое и рациональное. Оно является результатом нашего излишне жесткого детерминистского, псевдообъективного, предвзятого анализа, нашего стремления освободить не только себя, но и наших далеких предков от чуждой нам идеологии. Пользуясь образным сравнением Л. Леви-Брюля, можно сказать, что магическое и рациональное не наслаиваются друг на друга, отделяясь одно от другого, подобно маслу и воде в сосуде; они проникают друг в друга, создавая неразделимое единство. Таким единством рационального и фантастического, по-видимому, и была первобытная магическая медицина. И чтобы ее правильно понять, ее надо анализировать, не расчленяя на рациональное и фантастическое, т. е. оценивать не столько приемы, не столько методы лечебной и предупредительной практики, поскольку при оценке этих приемов над нами довлеет уже произведенный естественнонаучной медициной отбор (отбор, кстати говоря, не во всем корректный), сколько идей, многие из которых при их дальнейшем развитии и переосмыслении легли в основу естественнонаучной медицины, а точнее, приняты ею, как бы вопреки магическим представлениям.

Здесь же уместно отметить как одну из причин стремление вычленил, в том числе из медицины, и отбросить все магическое. Большую историю имеет и недоброжелательное, если не враждебное, отношение к магии интеллектуальных кругов общества. Для такого отношения были основания. Во-первых, это связано с существованием вредоносной, или «черной», магии, суть которой, по определению С. А. Токарева, «... состоит в употреблении различных приемов, целью которых является причинение сверхъестественным способом какого-либо вреда определенному лицу или лицам»⁸⁹. Это форма магической практики, возникшая как средство удовлетворения одной из насущных потребностей человека — защиты от врагов, всегда вызывала у людей страх и неприязнь, усиливающиеся в связи с тем, что обряды вредоносной магии не предусматривали честного, открытого единоборства, а проводились тайно, без предупреждения противника, так сказать, вероломно. Надо отметить, что этот тип магии многие смешивали и смешивают с магией вообще.

Во-вторых, магия всегда конфликтовала с религией. Религией осуждалась не обрядовая сторона магии, а как раз ее идеология и, в первую очередь, противопоставление воли человека воле божества, убежденность, что человек может воздействовать на окружающий его мир без помощи или посредничества богов, и даже заставить, принудить богов силой заклинаний исполнять желания человека. Кроме того, как справедливо указывал Дж. Фрэзер, в основе магии лежит тот же принцип, на котором основана наука: убежденность в постоянстве и единообразии действия сил природы, в неизбежности связей причин и следствия, и в этом отношении магия представляет собой противоположность религии⁹⁰.

Для науки магия — некая противоположность знанию, а эпитет «магический» синонимичен не просто фантастическому, а антинаучному. Надо сказать, что к фантастике, даже достаточно отвлеченной, наука относится вполне терпимо и порой рассматривает ее как форму научно-технического предвидения. Никто из ученых не упрекает, скажем, Р. Бэкона, много занимавшегося оккультными науками, за то, что он на основе чисто магических идей в 13 веке писал об автомобилях и летательных аппаратах — это было предвидение. А вот к алхимикам, развивавшим идею трансмутации металлов, идею, как оказалось, и теоретически, и технологически достижимую, до сих пор относятся настороженно. Магия отталкивает от себя науку таинственностью и сенсационностью и служит для нее своеобразной свалкой непознанного. Я не оспариваю прав науки на жесткую позицию в отношении требования естественнонаучных доказательств и обоснованности любой концепции. Но история подтверждает, что по мере развития науки в ее арсенал переходит все больше и больше явлений и методов, ранее трактовавшихся как магические или мистические.

Теперь о магической медицине как этапе развития первобытной медицины, или точнее, о последствиях магического осмысления опыта «формирующейся медицины». Прежде всего, в магической медицине мы уже бесспорно встречаемся с некоторыми достаточно ясно очерченными представлениями об основных разделах медицины — об этиологии, лечении, профилактике, прогнозе.

Именно осмысление с присущей магии, как уже упоминалось, неизбежностью связи причины и следствия должно было неминуемо привести к формированию убеждения, что всякая болезнь должна иметь причину. И дело здесь не в том, правильно или ложно эти причины определялись, а в том, что был сделан один из решительных шагов к превращению

медико-гигиенической деятельности в объект, подлежащий разумной оценке и дальнейшему осмыслению. В качестве этиологических факторов в магической медицине выделяются два: наведение «порчи» или «сглаз» средствами вредоносной («черной») магии и нарушение «табу»; немагически осмысленных причин травм и болезней, думается, в этот период не было. Если даже речь шла, например, о ранении на охоте, то и эта, казалось бы, очевидная причина осмысливалась магически. Практически все этнографы засвидетельствовали, что так называемые отсталые народы всякую болезнь и смерть рассматривали как результат магических воздействий. Причем, по данным Спенсера, Гиллена и Штрелова, аборигены Австралии утверждали, что навести «порчу» может всякий, а лечить — только знахарь⁹¹. Какими бы нелепыми не казались нам магические этиологические факторы, но и они породили позитивные идеи, получившие дальнейшее развитие. Прежде всего, эти факторы устанавливали, что причины имеют любые формы расстройства здоровья. Речь идет не столько о травмах и ранениях, при которых наличие непосредственной причины легко установимо, а о болезнях, где причинно-следственная зависимость не столь очевидна. Для современного человека может показаться нелепым даже предположение, что люди могли не понимать, что у каждого события должна быть причина. Но был такой период в истории интеллектуального развития человека, когда практические действия вроде бы учитывали причинно-следственные отношения, а осознания того, что у каждого действия есть побуждающая причина и что это действие является причиной некоего результата, еще не существовало. Осознание того, что у болезни есть причина — важный побудительный момент для ее поиска. Этап магической медицины — точка отсчета, с которой медицинская мысль начинает поиск причин болезней, которые на каждом этапе развития медицины переосмысливались. На этапе магической медицины осмысление причин болезней шло двумя путями. Первый содержал попытку конкретизации воздействующего фактора в форме его относительной персонификации. Основания для такого предположения дают этнографические материалы. Мера конкретизации коррелирует со степенью развития того или иного народа и соответствует сложности его социальной организации. У австралийцев-аранда эти представления наиболее элементарны, их «аранкульта» — недифференцированное понятие, которым обозначаются все злые и опасные для человека силы. Полинезийско-меланезийская «мана» обозначает некую магическую потенцию, которая может в зависимости от обстоя-

тельств оказывать как вредное, так и добродетельное влияние. Применительно к магической медицине «мана» может быть причиной как «порчи», так и исцеления. Столь же широки возможности папуасского «оним»: с одной стороны, это — «яд», «отрава», «колдовство», с другой — «лекарство». Чукотское «уйвель» и коми-зырянская «шева» — приносящие «порчу», особого рода материальные предметы, проникающие в организм и вызывающие болезнь или смерть. Наконец, магические силы, вызывающие болезнь, представляют в виде змен «а-хамки», пожирающей экскременты людей и причиняющей этим болезнь или смерть, антропоморфных духов («таува-у») и других мифических существ, стоящих на грани анимистических представлений. Второй путь ведет не к анимизму; он основан на связанном с магией представлении о взаимодействии всех вещей. Это магическое представление, по мнению философов, легло в основу древнейших натурфилософских учений и так называемых тайных наук (герметизма, оккультизма, астрологии, алхимии и т. п.). Этот путь сравнительно рано привел к мысли о том, что под действием магических сил нарушается взаимодействие как внутри организма, так и между организмом и природными объектами, в результате чего и развивается болезнь. Но здесь все равно-причинным фактором является магическая сила. Для нас существенно важно, что магические представления вызвали к жизни представления натурфилософские, на основе которых были сформулированы первые теории медицины, которые мы рассматривали как научные, или, по крайней мере, как преднаучные. Поскольку магический этап осмысления окружающего мира универсален, становится понятным, почему натурфилософские концепции возникли практически во всех очагах древних цивилизаций. Отпадает, как вы понимаете, необходимость поиска цивилизации, в которой они возникли первоначально, и путей дальнейшего их распространения. Понятно и этнически-региональное своеобразие каждой из натурфилософских концепций («у-син» в Китае, учение о четырех соках в Древней Греции и пр.).

Но я немного увлекся. Напомню, мы говорили о позитивных идеях, возникших и развивающихся на основе магических этиологических факторов. Их было два: наведение «порчи» средствами вредоносной магии и нарушение «табу». Обратите внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, оба этих фактора внешние по отношению к организму: «порчу» наводит колдун, нарушение «табу» раскрепощает некую, также находящуюся вне организма, силу, потенциал, которая карает нарушителя и коллектив, членом которого он

является. Заметьте, что каждый из этиологических факторов вызывает разные последствия. «Порча» действует только индивидуально, единично. Сила, раскрепощающаяся в результате нарушения «табу», влечет за собой массовые последствия, массовые заболевания. Здесь заложен глубокий смысл: «порча» — выражение зла, наказание за нарушение «табу» — возмездие за содеянное зло. Здесь есть о чем подумать. Но это категории этические, а не естественнонаучные. Другое дело, что причины болезней — суть внешние воздействия. Это важный ориентир для поиска. А если учесть магические постулаты о взаимодействии всех вещей и о том, что магической силой обладает не только человек, но и объекты окружающей его природы, становится понятным, на какой основе в эпоху древних цивилизаций появились зафиксированные в самых ранних памятниках письменности представления о влиянии на здоровье человека природно-климатических факторов и условий жизни, представления, блистательно обобщенные в «Гиппократовом сборнике», и прежде всего в работе «О воздухах, водах и местностях».

Во-вторых, все перечисленные этиологические факторы непосредственно связаны с человеком, с его действиями и поведением. Идея о вине человека в возникновении и распространении болезней, в том числе и своей собственной, что человек сам раскрывает «ящик Пандоры»⁹², принося несчастье и болезни себе и другим, имела исключительно важные последствия как в нравственно-этическом, так и в медико-гигиеническом плане. С ней генетически связаны представления о «нечистоте» и «очищении», имевшие не только религиозно-нравственный, но и медико-гигиенический смысл, выразившийся, в частности, в очистительной терапии, о которой мы еще будем говорить, обсуждая арсенал лечебных средств магической медицины, и уходе за больным, в том числе гигиеническом, уходе, при котором, как уже отмечалось ранее, ухаживающий должен был соблюдать дополнительные «табу» по сравнению с другими членами коллектива. С представлением о вине человека в возникновении болезней, в том числе своей собственной, связаны и идеи такой организации жизни, которая препятствовала бы заболеваниям. Думается, что магическая медицина сама по себе накладывала главным образом нравственные ограничения, хотя нельзя исключить, что магическое осмысление негативного опыта вело к табуации некоторых действий, к табуации, на основе которой в дальнейшем, в эпоху цивилизаций могли возникнуть представления о гигиеническом поведении и здоровом образе жизни.

Во всяком случае, в магической медицине есть представления, позволяющие сделать такие предположения.

Продолжим обсуждение идей, возникших, как нам кажется, на основе переосмысления представлений первобытной магической медицины. Напомню: мы исходим из концепции, что в магии воплотилась убежденность первобытного человека в его способности или принципиальной возможности воздействовать, оказывать влияние на других людей, животных, растения, явления природы. Такая убежденность могла возникнуть лишь из представлений о том, что человек обладает некоей силой (или силами), некоей потенцией, позволяющей ему как оказывать воздействие на других людей, животных и т. д., так и защищаться от воздействий извне. Эта сила (или силы), эта потенция находится в самом человеке, в его теле, а возможность оказывать влияние неисчерпаема. Что же дали медицине представления о магических внутренних силах организма?

Во-первых, эти силы были сравнительно рано поставлены во взаимосвязь с процессами жизнедеятельности и были осмыслены как фактор, обеспечивающий жизнь. Затем на этой основе возникли первые представления об управлении процессами жизнедеятельности, осмысленные также магически: внутренние силы — фактор, управляющий этими процессами, регулирующий их. С возникновением анимистических представлений все действующие в природе силы, в том числе и внутренние силы организма, попадают во власть духов и душ и отождествляются с ними. В эпоху становления цивилизаций начали формироваться различные религиозно-философские учения, в которых магические силы организма были переосмыслены как «жизненная сила», «дыхание», «жизненный дух», «принцип жизни» и т. п. и персонифицированы как древнеегипетские «ба» и «ка»⁹³, ведические «атман» и «прана»⁹⁴, древнекитайские «ци»⁹⁵, древнегреческие «псюхе» и «пневма»⁹⁶ и т. д. В дальнейшем представления об управлении и обеспечении процессов жизнедеятельности усложнились и в религиозных, и в натурфилософских системах, позднее начали появляться элементы естественно-научного осмысления процессов жизнедеятельности. Но в конечном счете все современные представления о механизмах обеспечения жизнедеятельности как в естественнонаучной, так и в традиционных системах медицины, генетически связаны с изначальными магическими внутренними силами. Просто за тысячелетия их удалось конкретизировать, а большинство из них материализовать и лишить покрова таинственности. Таким образом, этап маги-

ческой медицины — точка отсчета для осмысления механизмов жизнедеятельности организма.

Во-вторых, в магической медицине появляется представление о способности организма человека противостоять внешним воздействиям, чужой, враждебной силе, «порче». И даже если «порча», которая наводится в тайне, благодаря вероломству, оказывается сильнее, магические внутренние силы человека продолжают борьбу. Поэтому, в частности, болезнь не всегда кончается смертью, поэтому для того, чтобы безусловно уничтожить конкретного человека обряды вредоносной «черной» магии нужно проводить неоднократно. Представления о магических защитных силах организма, препятствующих болезнетворному воздействию «порчи» и продолжающих бороться с ее разрушительным действием, если болезнь возникла, при анимистическом осмыслении не были конкретизированы. «Жизненная сила», «душа», «жизненный дух» и т. д. управляли всей жизнедеятельностью, в которой защита организма, возможно, и подразумевалась, но ей не придавалось сколько-нибудь принципиального значения. Духи и демоны, а потом боги, извечная борьба сил добра и зла, в них воплощенная, — вот что определяло судьбу человека, в том числе его здоровье и болезнь. Болезнь насыщалась или санкционировалась духами или богами, они же и только они могли обеспечить надежную защиту и выздоровление. С укреплением и развитием религии представление, что жизнь и смерть, здоровье и болезнь — все во власти божьей, становится ведущим. Такое представление делает положение врача-двузначным, а его услуги неуместными, по крайней мере в тех случаях, когда они не сопровождаются обрядовыми церемониями или неизвестна божья воля в отношении цели, с которой божество эту болезнь санкционировало.

Необходимость для врача, как впрочем и для пациента, учитывать как ведущий фактор исцеления божью волю зафиксирована во многих религиозных текстах, но особенно четко в Ветхом Завете, поскольку иудаизм наиболее жестко и недвусмысленно устанавливал порядок отношений между Богом и человеком, предусматривая кару за любое отклонение от него. Иудейский царь Аса не всегда уповал на Господа, пренебрег предостережением прозорливца Анания и даже заточил его в темницу, и когда вскоре после этого заболел, не обратился к Господу своему, а понадеялся на искусство врачей, которое без Господней санкции оказалось безуспешным. Послушайте ветхозаветный текст: «И сделался Аса болен ногами на тридцать девятом году царствования своего, и болезнь его поднялась до верхних частей

тела; но он в болезни своей взыскал не Господа, а врачей. И почил Аса с отцами своими и умер на сорок первом году царствования своего»⁹². Очевидно, коллизии, связанные с нежеланием допускать иных целителей, кроме Бога, имели достаточно широкое распространение, принимая порой крайние формы. Видимо поэтому Иисус сын Сирахов разъясняет положение врача в обществе, необходимость его услуг и условия, при которых эти услуги будут эффективны: «Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его и от Вышнего — врачевание и от царя получает он дар. Знание врача возвысит его голову и между вельможами он будет в почете. Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими... Для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его; ими он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготавливающий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются и чрез него бывает благо на лице земли. Сын мой! в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь и исправь руки твои, от всякого греха очисти сердце. Вознеси благоухание и... памятную жертву и сделай приношение тучное, как бы уже умирающий; и дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен. В иное время и в их руках бывает успех; ибо они молятся Господу, чтобы Он помог им подать больному облегчение и исцеление к продолжению жизни. Но кто согрешает пред Сотворившим его, да впадает в руки врача!»⁹³. Этот текст, основные положения которого перекочевали в другие монотеистские религии — христианство и ислам, по-моему, настолько четко дифференцирует врачебное от богова, что не нуждается в комментариях. Но ветхозаветная жесткость не типична для большинства древних цивилизаций: идеология политеизма предполагала более демократичные отношения между богами и людьми. В пантеонах, наряду с богами, могущими «наслать» болезнь, были боги, основной, а иногда единственной функцией которых было обеспечение исцеления и покровительство врачеванию. Кроме того, религиозно-философские и натурфилософские учения, распространенные в древних цивилизациях и основанные на положениях об извечной борьбе добра и зла или вообще взаимодействии противоположностей, в значительной степени развязывали руки врачу в плане самостоятельности действий без оглядки на богов. Это, конечно, не исключало того, что врачебное сословие относилось к богам с должным пиететом.

На первый взгляд мы с вами несколько увлеклись, забе-

жали вперед, ведь первоначально речь шла о развитии положения магической медицины о наличии защитных сил организма, противостоящих болезнетворному воздействию и продолжающих борьбу, когда болезнь уже возникла. Мы видели, что анимистическое и религиозное осмысление этого положения передало защиту организма и все процессы, в результате которых наступает выздоровление, во власть духов и богов. Но это не означало, что собственно магическая традиция прервалась. Оставались и действовали колдуны и знахари, использовавшие идеологию и практические приемы лечебной и предупредительной магии. Эта категория врачующего сословия практически не подвергалась преследованиям в большинстве очагов древних цивилизаций. Более того, по-видимому, это сословие, сохранившееся до сих пор, в том числе у цивилизованных народов, дало начало двум основным направлениям внехрамовой медицины древних цивилизаций — медицине светской, практической на начальном этапе своего развития, и медицине прорицательской. Оба направления приняли на вооружение магическое представление о наличии защитных сил организма, играющих важную роль в выздоровлении. Это зафиксировано во многих памятниках древневосточной письменности, но особенно четко сформулировано Гиппократом, который, как известно, считал, что болезнь представляет собой борьбу присущих организму естественных целебных сил с вредным воздействием, ее вызывающим, и что первоочередная задача лечения — помогать организму в его борьбе. Это положение Гиппократа было принято на веру, т. к. никаких естественнонаучных доказательств его не было, вплоть до сравнительно недавнего времени.

В-третьих, магическое представление о том, что человек, его организм способен сам себя защищать и бороться с болезнью, в дальнейшем было переосмыслено, став ключевой идеей при создании традиционных систем самосовершенствования и самоисцеления, т. е. форм лечения, основанных на самомобилизации защитных сил организма. Примеры таких систем известны в медицине древних цивилизаций Ближнего Востока, а также Древней Индии и Древнего Китая, где они сохранились до наших дней и продолжают широко применяться. Но об этом позднее. А сегодня мы остановимся лишь на двух обстоятельствах, с ними связанных. Все эти системы как совокупность лечебных и главным образом предупредительных мер, являются частью, элементом соответствующих религиозно-философских систем, вне которых, изолированно, они в значительной степени утрачивают свой смысл и эффективность. Это первое. Второе. Все эти системы не являются

чисто магическими, но генетически связаны с магией. Все они имеют единую целевую установку — мобилизацию защитных сил, резервных возможностей, биологического и психического потенциала организма человека и, таким образом, основаны на магических представлениях о безграничных возможностях человека, о наличии скрытых внутренних сил организма. Переосмысленные магические положения обнаруживаются и в соответствующих религиозно-философских доктринах. Все они в той или иной мере используют приемы лечебной и предупредительной магии. При этом значительный интерес, с моей точки зрения, представляет их связь с магико-тотемической обрядностью: в гимнастических комплексах и позах индийской йоги, в различных видах китайской традиционной гимнастики широко используется имитация движений разных животных. Не исключено, что это дошедшие до нас племенные тотемические пляски, ритм и предназначение которых изменились. В этой связи чрезвычайно интересно, что в Китае сохранились десятки форм такой «подражательной» гимнастики, в каждой из которых используется имитация движений определенного животного. Вероятнее всего, это разнообразие связано с многообразием тотемов первобытных коллективов, населявших территорию нынешнего Китая.

В том, что переосмысленные тотемные племенные пляски, так сказать, родо-племенная магико-тотемическая обрядность, могли сохраниться в культуре древней цивилизации в малозмененной форме нет ничего необычного. В племенных союзах у каждого рода сохранялся свой тотем, а в процессе объединения племени и создания государственных образований роль местных богов и духов и их зооморфных тотемных символов сохранялась. Даже после того как сложились единые пантеоны, в которых нашли свое место все или большинство богов племен, составивших этнос этого государства, на каждой территории бывший племенной бог и его зооморфный символ почитались наравне с верховным богом пантеона, и этому местному божеству приписывались более широкие возможности, чем его функции в едином пантеоне. Не противоречит нашему предположению и тот факт, что в традиционных китайских гимнастических комплексах нередко используется подражание движениям нескольких животных. В процессе формирования единого пантеона создавалась единая обрядность и некоторые единые обряды становились, если можно так выразиться, «смешанными», включили в себя элементы различных племенных магико-тотемических обрядов. Если высказанное выше предположение имеет право на существование, то, руководствуясь им, можно сделать вывод,

что традиционные китайские гимнастические комплексы, основанные на подражании движениям одного животного, более древние и непосредственно связаны с наиболее архаичными обрядами — тотемными плясками. Наконец, наличие связи между различными формами традиционной китайской гимнастики и магико-тотемической обрядностью свидетельствует о непрерывности традиций китайской медицины и вообще о глубокой архаичности традиций китайской культуры.

И еще одно соображение, касающееся идеи самоисцеления. Не исключено, что эта идея возникла раньше, чем идея лечения. Согласитесь, что представление о самоисцелении ближе к инстинктивной самопомощи, к инстинкту самосохранения. Основанная на взаимопомощи «формирующаяся медицина» не могла да и не должна была их вытеснить. Приемы самопомощи были ассимилированы «формирующейся медициной» и в дальнейшем были осмыслены по-разному. Некоторые из них сохранились и существуют поныне: часть их трансформирована в медицинские приемы, способы медицинской помощи, которые больной или пострадавший проводит сам, часть осталась в сфере инстинктивного поведения. Но какова бы ни была судьба инстинктивной самопомощи, осмысление ее должно было привести к идее возможности самоисцеления, хотя, может быть, в этом случае мы рассуждаем слишком логически.

Самоисцелением, самосовершенствованием не ограничиваются идеи оказания помощи больному. Если человек принципиально способен оказывать влияние на других людей, то такое влияние может быть и целительным. Иными словами, была осознана принципиальная возможность оказания помощи в случаях, когда внешние враждебные силы оказались сильнее внутренних защитных сил или проникли в тело сородича, где развернулась борьба между этими враждебными силами и защитными жизненными силами больного. Оказать помощь сородичу, вмешаться в эту борьбу, увеличить его жизненную силу, передать ему часть своей, изгнать враждебную силу — в этом состоит магический смысл той системы мер, которую мы сегодня называем лечением.

Для того, чтобы логика дальнейших рассуждений была полностью ясна, сначала я хочу обратить ваше внимание на два обстоятельства. Первое. Осознание принципиальной возможности оказания помощи больному возникло значительно позднее, чем появились конкретные лечебные приемы. Здесь мы сталкиваемся с тем же положением, о котором уже говорили, обсуждая проблемы магической этиологии, — практические действия вроде бы учитывали причинно-следственные

отношения, а осознания того, что эти действия предприняты для достижения определенного результата, еще не существовало. Его и не могло существовать до осмысления, до открытия причинно-следственных отношений. В процессе превращения медико-гигиенической практики «формирующейся медицины» в объект разумного, пусть даже пралогического, осмысления или, говоря современным языком, анализа (мы употребляем здесь термин «анализ» условно, поскольку «анализ» предполагает цепь логических операций) осознание принципиальной возможности оказания помощи больному не могло возникнуть раньше, чем представления, что всякая болезнь имеет причину, что человек и другие объекты окружающего мира обладают способностью оказывать воздействие на людей, в том числе и вредоносное, что человек обладает внутренними силами, препятствующими воздействиям извне, но что эти силы безграничны. Таким образом, в процессе формирования магической медицины последовательно осознавались, открывались и осмысливались основные сущностные категории медицины как сферы общественной практики. В дальнейшем все изменения в медицине, все открытия и приобретения, равно как и все заблуждения и ошибки, происходили, так сказать, в рамках этих категорий. Большинство этих категорий именно то, что мы называем этиологией (причиной), лечением, профилактикой, прогнозом принципиально, сущностно были осознаны магической медициной. По сравнению с этим положением вывод, что с этапа магической медицины начинается осознанный и целенаправленный поиск средств и методов лечения больного — именно больного, а не болезней — возможно, покажется вам частностью.

Второе. Сама идея возможности оказания помощи больному есть выражение коллективистской идеологии. В ней выражена убежденность, что коллективные, или по меньшей мере кооперативные, действия более эффективны, более результативны, чем действия индивидуальные. Подобно тому, как на охоте попавшего в лапы зверя охотника можно вызволить, спасти только объединенными усилиями, соединив силу сопротивляющегося зверю сородича с силой остальных охотников, так и человеку, пораженному, «попавшему в лапы» враждебной, вредоносной магической силы, которая оказалась сильнее его внутренней защитной силы, может помочь коллектив, передав ему часть своих сил, или сил конкретных сородичей с тем, чтобы образовавшаяся при этом объединенная сила была больше вредоносной, насланной на него или проникшей в его тело. Это положение принципиально важно. Оно объясняет, почему в архаические времена с лечебной

целью использовалась не только индивидуальная практика, при которой объединялись две силы — врача и больного, но и коллективные, массовые обряды, которые на определенных этапах развития медико-гигиенической практики считались более действенными, более результативными, чем индивидуальные. Признание того, что осознание возможности оказания помощи больному, т. е. открытие лечения, связано с коллективистской идеологией, служит важным аргументом в пользу точки зрения о глубокой архаичности традиции осознанной лечебной практики.

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что, обсуждая проблемы лечения, принципиальной возможности оказания помощи больному, мы постоянно говорили о человеке, подвергшемся агрессивному влиянию средствами вредоносной («черной») магии, хотя воздействие или проникновение в организм, в тело человека вредоносной враждебной силы было не единственной причиной болезни. Болезнь могла возникнуть также из-за нарушения «табу», в результате которого, как вы знаете, карался не только сам нарушитель, но и коллектив, членом которого он являлся. Выделение одного магического этнологического фактора как базового, основного в процессе осознания принципиальной возможности оказания помощи больному, с моей точки зрения, оправдано, ибо такое выделение соответствует коллективистской морали первобытного человека. Согласитесь, если враждебные силы чужого коллектива навели «порчу» на сородича, который страдает в принципе только потому, что он является членом нашего коллектива, является нашим сородичем, наш долг использовать все возможности, чтобы помочь ему. Ведь на его месте мог оказаться и может оказаться каждый из нас. Кроме того, престиж коллектива требует этого. Каждый должен знать, что если он выполняет все требования коллективистской морали, если он отдает коллективу все, то он может рассчитывать на защиту коллектива, и коллектив сделает для него то, что сделать сам, в одиночку он не в состоянии. Это, так сказать, один из пряников коллективистской идеологии и пряник довольно весомый, компенсирующий некоторые действия коллективистского кнута. Но это не все. Престиж коллектива, исповедующего самопочитание, требует демонстрации своей силы. Каждый должен убедиться, что сила данного коллектива действенной, эффективней, чем враждебная сила чужаков. И, наконец, последнее, чисто нравственное, соображение: в первобытном коллективе между сородичами уже существовала взаимная забота, взаимная привязанность. И если сородич подвергался агрессии сил зла, ему необхо-

димо было помочь, ибо уже первобытным человеком через «табу» была осознана разница между добром и злом, и если перечень действий, поступков, относимых к категориям добрых или злых, не совпадает с нашим нынешним, это не меняет положения вещей принципиально: жертвы зла нуждаются в сочувствии и помощи, творящих зло ожидает возмездие.

Итак, творящего зло ожидает возмездие. Но нарушение «табу» и есть сотворение зла для коллектива, членом которого является нарушитель, ибо это нарушение раскрепощает некую опасность, некую силу, которая карает не только нарушителя, но и коллектив. Зло, причиненное коллективу, самое страшное и непростительное, ибо вне собственного коллектива, вне сородичей, зла не существует. В отношении чужого коллектива, как вы вероятно помните, какие-либо ограничения отсутствовали — ущерб, нанесенный чужому, не есть зло. Первобытная мораль конкретна и жестока — нарушителей «табу» изгоняли из коллектива, а возможно и убивали. Изгнание было наказанием, может быть, более жестоким, чем убийство: шансов выжить в одиночку у первобытного человека практически не было, да даже если и были, первобытный человек с его коллективистскими установками должен был переносить одиночество очень тяжело. Отголоски традиции наказания нарушителя «табу» изгнанием засвидетельствованы в мифологии Древнего Востока и, в частности, в Библии: «И сказал (Господь): что ты сделал? голос крови Брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле. И сказал Каин Господу (Богу): наказание мое больше, нежели снести можно; вот Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мной, убьет меня»⁹⁹

Бескомпромиссность и жестокость в отношении нарушителей «табу» была оправданной не только с позиций первобытной морали. Нарушителю «табу» нельзя было помочь в принципе, — в противном случае сам институт «табу» утрачивал смысл. Убежденность в неотвратимости возмездия была единственной силой, поддерживающей этот институт, а вместе с ним и нормы коллективистской морали и общежития. В дальнейшем в сформировавшихся религиозных представлениях возникнет понятие «грех». Наказывать за грех будут боги либо при жизни, в том числе болезнью, либо после смерти, когда богами оценивается прожитая человеком

жизнь и решается судьба души человеческой, где вечно пребывать ей, в раю или в аду, или подлечит она реинкарнации, или сможет возвратиться на астральную родину. Появится возможность искупления греха жертвоприношением или покаянием. А человеку будет отказано в праве судить поступки другого человека, ибо «нести человека, кто не согрешил», а потому: «Не судите, да и не судимы будете»¹⁰⁰. Но все равно грех совершенный останется наказуемым, и даже, если египтянин приносил за него искупительную жертву, на суде Осириса этот грех всплывал и учитывался при решении его судьбы. В христианстве раскаявшийся грешник прощается, но нераскаявшегося ждут возмездие при жизни и вечные мучения после смерти, а потому каждый согрешивший должен спешить покаяться, не дожидаться гнева божьего, ибо долго терпим Господь, но и его терпение не беспредельно. «Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покалась. Вот я повергаю ее на одр и любодействующих с нею в великую скорбь, если не покаются в делах своих. И детей ее поражу смертью, и уразумеют все церкви, что Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим»¹⁰¹. Так передавал Иоанн Богослов в своих «Откровениях» или «Апокалипсисе» слова «Сына Божия, у Которого очи как пламень огненный». Но эта угроза в адрес Иезавели кажется сущим пустяком по сравнению с картиной Суда, который свершится в конце времен при вторичном пришествии Иисуса Христа¹⁰², Суда над всеми когда-либо жившими людьми, воскресшими во плоти для этого Суда и получающими по приговору сообразно со своими земными делами вечное блажество или вечное мучение. Перспектива, изложенная Иоанном, прямо скажем, жутковатая. И мучения придуманы грешникам страшные. При таких мучениях верится, что «В те дни люди будут искать смерти»¹⁰³. Но в конце концов удастся отделить «козлов» от «овец», «плевелов» от «пшеницы»¹⁰⁴. Но так стало позднее. А первобытный человек не был столь изощрен в формах наказания, и изгнание из коллектива представлялось ему не менее страшным, чем его потомкам изгнание из царства небесного.

Но вы мне можете напомнить, что в состоянии «табу» могли находиться два типа людей — «осквернившиеся» и «осквернители», справедливо ли, что и тот, и другой наказывались одинаково? Конечно, несправедливо, и такой практики, по-видимому, не было. «Осквернитель», нарушитель «табу» изгонялся. Что же касается «осквернившегося», попавшего в сферу действия «табу», вольно или невольно прикоснувшегося и подвергнувшегося воздействию «нечистоты», то он изолиро-

вался от коллектива и подвергался «очищению». Дело в том, что уже у первобытного человека, по-видимому, сложилось неморальное понятие «скверны», «нечистоты». Она прилипчива, как заразное начало и может передаваться другим при контакте. Поэтому и необходимы изоляция и «очищение». Я хочу еще раз подчеркнуть, что «скверна», «нечистота» — понятие неморальное. «Осквернившийся» — не нарушитель первобытной коллективистской морали и норм общежития. Он — потерпевший, «заразившийся» от «нечистоты» и ставший «нечистым» либо под влиянием враждебной силы, либо в силу обстоятельств, либо при выполнении своего долга перед коллективом. Вот если он нарушит режим изоляции или откажется от «очищения», подвергнув тем самым опасности «заражения» других, он станет нарушителем «табу», и тогда не будет заслуживать ни сострадания, ни снисхождения. Заболевший — тоже «осквернившийся», тоже «зараженный нечистотой», он тоже находился в состоянии «табу», тоже изолировался от коллектива, тоже подвергался обязательному «очищению», которое (как нынешние гигиенический уход или гигиенические процедуры при поступлении в стационар) было обязательным атрибутом лечения, ибо без магического «очищения от скверны» нельзя было рассчитывать на исцеление.

Все сказанное касается не только «осквернившегося», в том числе заболевшего, но и лиц, вольно или невольно вступивших с ним в контакт. Люди, оказывавшие помощь больному или ухаживавшие за ним, обязательно подвергались воздействию «скверны», «заражались нечистотой» от больного. Они тоже попадали в состояние «табу» со всеми вытекающими отсюда последствиями. И, возможно, это магическое осмысление, в большей степени, или во всяком случае наравне с социальными факторами расслоения общины, привело к достаточно раннему выделению лиц, оказывавших помощь и ухаживавших за больными, так сказать, к профессионализации медико-гигиенической деятельности. Вспомните убежденность австралийских аборигенов, у которых не было отдельных служителей культа: навести «порчу» может каждый, а лечить — только знахарь. Если наше предположение о том, что профессионализация медико-гигиенической деятельности связана с магическими представлениями правильно, то выделение не только будущего врачебного сословия, но и лиц, ухаживавших за больными, началось на этапе магической медицины задолго до возникновения древних цивилизаций. «Профессии» колдуна и целителя могли совмещаться, но при одном непереносимом условии, а именно: этот колдун-целитель или колдун-знахарь ни при каких обстоятельствах не должен

был использовать приемы и средства вредоносной («черной») магии. В дальнейшем на протяжении веков врачи были связаны с магической традицией, эта связь сохраняется и сегодня, причем не только у представителей традиционных систем, но и у врачей естественнонаучного направления. Эта связь проявляется и в рационально осмысленных формах поведения врача при общении с пациентом (ныне это не обрядовые действия, а деонтологическое поведение), и в ритуале мытья рук после осмотра больного, своеобразном «очищении», которое, кстати, не производится после просмотра книги или надевания обуви, хотя шанс испачкать руки, в общем одинаков. И брезгливое отношение к телу больного, к любому, не только покрытому язвами и коростой, — сохранившееся в нашем подсознании магическое представление о его «нечистоте». Сохранилась еще и нравственная связь; ведь гиппократовский завет «поп посеге» ничто иное, как переосмысленный запрет колдуну-знахарю использовать приемы и средства вредоносной магии. И я совершенно убежден, что этот завет должен трактоваться не столько в контексте терапевтической тактики, сколько в контексте врачебной этики. Не вредить больному — это еще не все, что обязан усвоить человек, посвятивший свою жизнь помощи страждущим. Не вредить здоровому, не вредить человеку, ибо любое причиненное зло в конечном счете скажется на здоровье человека, а врачующий не должен множить пациентов, — вот завет, оставленный нам магической медициной, вот как, по-моему, следует трактовать завет Гиппократ. Впрочем, несмотря на приверженность к магическому прошлому, Гиппократ, судя по сохранившимся преданиям, был человеком реальным и трезво оценивал возможности своих коллег. Может быть поэтому он и провозгласил свое «поп посеге» как терапевтический принцип. Хоть больному-то не вреди. Впрочем, даже такая постановка вопроса сегодня не очень близка к реальности.

Но вернемся к первобытному врачу-целителю, к колдуну-знахарю. Обратите внимание на то, в чем состояли его функции. Он должен был отдать часть своей силы для того, чтобы помочь больному сородичу справиться с враждебной силой, породившей болезнь, или изгнать из тела больного эту враждебную силу. При этом он подвергался заражению от нечистоты больного и воздействию той же самой враждебной силы, которая поразила его сородича, вызвала его болезнь. К этому следует добавить, что первобытный целитель в силу своих обязанностей, в силу постоянного контакта с «нечистотой» должен был соблюдать ряд дополнительных, по сравне-

нию со своими сородичами, табуированных ограничений, главным образом половых и пищевых. Это не просто профессиональная деятельность, это — служение долгу, служение воистину самоотверженное. И не в глубинах ли магической медицины следует искать корни врачебной этики, принципы которой впервые документируются в эпоху древних цивилизаций? Не из неосознанной ли самоотверженности первобытного целителя черпает материал тысячелетний мифологический образ совершенного во всех отношениях врача, для которого нет ничего выше и важнее интересов пациента? Но помните, В. Высоцкий пел:

Лукоморья больше нет!
Все, о чем писал поэт —
Это бред!

Нет в этой жизни совершенства. И принципы врачебной этики, сформулированные в древности, в Месопотамии, Древнем Иране, Древней Индии, Гиппократом потому и стали изучаться, заучиваться, потому и приобрели статус Клятвы, что соблюдались далеко не всеми. В массовой профессии невозможен единый уровень даже профессиональный, а не то что этический. И тот же изощренный ум, который придумал принципы врачебной этики и деонтологии, легко находит аргументы для оправдания и самооправдания при их нарушении. Многие современные врачи, наученные университетским курсом «зело борзо» рассуждать об этических проблемах и зорко видеть нарушение этических норм в поведении своих коллег, в глубине души не придают этическому началу определяющего значения, поскольку, по их мнению, современные средства диагностики и лечения и без того достаточно эффективны. Но это только самооправдание. На самом деле свободные люди не хотят быть героями, не хотят обуздывать себя. Они хотят заниматься врачеванием как профессией, хотят заниматься врачеванием технократически, считая, что при знании, умении и технической вооруженности можно обойтись без ритуального деонтологического церемониала.

Но ведь первобытный целитель тоже верил в свои силы, в эффективность своего лечения, во всяком случае до тех пор, пока духи и боги не освободили его от ответственности за исход лечения. И совмещал, говоря современным языком, профессионализм с моралью, а точнее не разделял этих категорий. А мы разделяем. Может быть, в этом причина? Но кто ответит на этот вопрос без специального исследования, без создания для решения этой проблемы крупного исследовательского центра со штатами, окладами, материально-технической базой. Значит подождем...

Магическая терапевтическая тактика определялась магической причиной болезни и, следовательно, с этапа магической медицины начинается история идеи этiotропного лечения. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что магия устанавливала жесткие взаимоотношения между следствием и причиной. Чтобы арсенал средств магической терапии был вам понятен, необходимо вспомнить, как в представлении магической медицины возникала болезнь. Во-первых, враждебные вредоносные силы, воздействуя на человека, ослабляли его собственные внутренние силы; в этом случае болезнь есть проявление ослабления внутренних жизненных сил. Во-вторых, вредоносная сила (такая, как, например, «уйвель» или «шева») проникала внутрь организма, вступала в борьбу с внутренними жизненными силами или производила внутри организма разрушительные действия. В этом случае болезнь — картина единоборства жизненных сил организма с враждебными силами (почти по Гиппократу) или результат произведенных или происходящих в теле больного разрушений.

В этой связи задача врачевания, как уже говорилось, состояла в том, чтобы «пересилить» или изгнать враждебную силу, помочь больному телу восстановить свою «жизненную силу». Для этого прежде всего необходимо «очищение», которое проводилось в буквальном смысле слова с использованием воды, огня, дыма (омовение, окуривание, парные процедуры), тело натиралось жиром тотемного животного, листьями тотемного или заговоренного растения и т. п. Для полного очищения организма и изгнания враждебной силы внутрь принимались рвотные и слабительные средства или рвота вызывалась механически. Очистительным считался и потогонный эффект. Это, так сказать, естественные, хотя и магически осмысленные средства и приемы. Для очищения использовались и чисто магические приемы, но о них чуть позже. Лишь об одном по существу естественном, а по форме магическом приеме очищения надо сказать сейчас. Я имею в виду кровопускание — прием, часто применяемый в первобытной магической медицине. Роль крови в жизнедеятельности человека была сравнительно рано осознана, скорее всего благодаря охотничьей практике. По магическим (да и более поздним) представлениям в крови находились жизненные силы. Выпить крови убитого животного или врага значило заимствовать их силу. В этой связи, казалось бы, кровопускание — недопустимая процедура, истощающая и без того ослабленную жизненную силу больного. Не случайно у аборигенов Австралии описано проведение кровопускания как

чисто магического акта: целитель обвязывал больному участок тела шнурком и свободным концом тер свою нижнюю губу до крови, сплевывая эту «дурную» кровь. Подразумевалось, что «дурная» кровь проходит через целителя. Но чаще кровопускание проводилось больному буквально. И необходимость его, по магическим представлениям, была связана с тем, что враждебная вредоносная сила прежде всего проникала в кровь больного, заражая ее «нечистотой». Эта «нечистота», в свою очередь, пагубно влияла, ослабляя жизненную силу больного, давая возможность враждебной силе осуществлять свое разрушительное действие. Кровопускание удаляло «нечистую», «зараженную» кровь, а вместе с ней полностью или частично враждебную силу. Правда, при этом ослаблялась жизненная сила больного — этого даже первобытный врачеватель не мог не замечать.

Но был и другой цикл лечебных мер, направленных на восстановление, «усиление» жизненной силы больного. Цель этого второго цикла состояла в том, чтобы «поделиться» с больным частью собственной жизненной силы, передать ее от себя больному, чтобы образовавшаяся при этом суммарная сила была достаточной для уничтожения враждебной вредоносной силы или восстановления, увеличения жизненной потенции больного до степени, достаточной для устранения последствий разрушительного действия враждебной силы. Передача жизненной силы целителя больному осуществлялась чисто магическими средствами. Основными формами такой передачи были словесные и мануальные действия.

Эти формы появились не случайно: рука и слово, как таковые, сравнительно рано были осмыслены как магические начала. Корни такого осмысления лежат в антропосоциогенезе и в развитии коллективной производственной деятельности. Вспомните: одной из решающих ступеней антропогенеза было разделение функций верхних и нижних конечностей. Если человекообразная обезьяна умела стоять на задних конечностях, пользуясь передними как руками, то уже первые гоминиды передвигались на двух конечностях. Верхние конечности — руки — освободились от участия в передвижении и стали использоваться для защиты, нападения, добывания пищи и других форм деятельности. В отличие от антропидов, гоминиды могли манипулировать палками и камнями, одновременно передвигаясь, а позднее — использовать их как орудия труда. Постепенно пальцы на руке гоминид достигли значительной степени подвижности, способности к тонкому манипулированию, что позволило совершать все более точные действия, изготавливать все более совершенные орудия

труда, что повышало эффективность производственной деятельности. И при магическом осмыслении происходящих процессов и совершаемых действий рука для первобытного человека была основным инструментом передачи его магической силы, без чего осуществление намеченного им действия было невозможно.

Но вы знаете, что первоначально производственная деятельность была коллективной. Много рук действовало вместе, а это требовало внесения, говоря современным языком, определенного организующего начала, новых форм общения. Под влиянием потребности коллективной производственной деятельности звуковые сигналы животных «стали расчленяться, дифференцироваться и систематизироваться» и трансформировались в человеческую речь «как средство координации групповых действий»¹⁰⁵. Усложнение форм производственной деятельности и социальной жизни способствовало развитию речи. Став организующим началом производственной деятельности и других сторон коллективной жизни, слово начало субъективно осмысливаться как его действенная причина, приобрело статус магического начала. В первобытном сознании произнесенное слово во всех случаях обладало магической силой¹⁰⁶. Роль речи, «слова» как фактора, оказавшего основополагающее воздействие на возникновение человека и общества, в значительной мере определяющего их развитие, стабилизирующего и гармонизирующего мир, позднее выразилась в представлении о «логосе», интерпретируемом многими греческими философами от Гераклита до Филона Александрийского¹⁰⁷. В христианской догматике «слово», «логос» — данное богом откровение, Лик Троицыного Бога. Вспомните начальные строки Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово и слово было у Бога, и Слово было Бог. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его... И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины»¹⁰⁸. Но это было позднее. А первоначально, вероятнее всего, слово было у человека, а точнее — у его ближайших предков. И было оно одним из ведущих организующих и стабилизирующих факторов формирующегося общества и в этой функции не утратило своей роли до сих пор. И было оно, наряду с рукой, фактором, обеспечившим возникновение и развитие формирующегося производства. И было оно, как и рука, осмыслено как магическое начало.

Но вернемся к магической медико-гигиенической деятельности. Из словесных действий широкое применение в ней

имели, по-видимому, заговоры, заклинания и другие формы обращения к больному и болезни, его поразившей; причем словесные формулы, как правило, сопровождались мануальными действиями, равно как и магические мануальные действия сопровождались словесными формулами. Вера в магическую силу слова предполагала тождественность слова и действия и, подобно тому, как маскарадного наряда было достаточно для «реального» преобразования в тотемное животное, а точнее — для убежденности в таком преобразении, так и словесной формулы казалось достаточно для осуществления действия, и даже для получения результата. Словесной формулой больному передавалась часть жизненной силы целителя. Заговоры и заклинания сопровождали процедуры очищения, придавая им магическую силу и направляя на определенный эффект силы применяемых естественных средств (воды, пара и т. п.). Особую роль словесные формулы играли в изгнании болезни — императивные требования покинуть тело больного, сопровождавшиеся недвусмысленными угрозами, по мнению и первобытного целителя, и первобытного пациента, должны были победить враждебную силу, вызвавшую болезнь. Но заговоры, заклинания и другие магические словесные формулы позитивно действовали на больного, оказывали лечебный эффект, думаю, по понятным вам причинам. Ведь то, что слово — одно из наиболее мощных средств воздействия на психику человека — вы хорошо знаете. Известны вам, вероятно, и результаты теперь уже не единичных исследований, показавших, что психотерапевтическое или психотравмирующее воздействия приводят в действие механизмы, стимулирующие выработку биологически активных соединений, в том числе и специфического действия. Ведь не случайно же прижатая к кожным покровам человека холодная монета после соответствующего внушения вызывает ожог второй степени. Каким бы странным это нам не казалось, но именно в первобытных коллективах были наиболее благоприятные условия для психотерапевтической практики. В условиях преобладания эмоциональной моторной сферы над интеллектуальной, в условиях единых коллективных представлений значительно легче устанавливались «предметное отношение»¹⁰⁹, «трансфер» и «контртрансфер»¹¹⁰, без которых психотерапевтическое воздействие может оказаться малоэффективным. Первобытный человек, по-видимому, владел гипнозом, который, если верить мифам, применялся при инициациях. Использование гипноза в шаманских обрядах и в обрядах культа личных духов-покровителей (нагуализм) не подлежит сомнению. Прочная связь с магией компромети-

ровала гипноз многие столетия. Даже в эпоху древних цивилизаций, например в Древней Греции, к проводимой в храмах Асклепия¹¹¹ инкубации¹¹², являвшейся в значительной мере психоаналитической процедурой с применением гипноза, образованные круги древнегреческого общества относились с недоверием и насмешкой. На прошлой лекции уже говорилось, что еще в 18 веке гипнотизм относили к оккультным явлениям. И когда австрийский врач, доктор медицины Ф. А. Месмер выступил с концепцией «животного магнетизма», в которой пытался с физиологических позиций объяснить явления гипнотизма, применявшегося им без словесного контакта с пациентом, Людовик XVI назначил две комиссии; в первую вошло пять членов Парижской АН, в том числе астроном Байи, физик Б. Франклин, химик А. Лавуазье, и четыре профессора медицинского факультета, во вторую — пять членов Медицинской академии. Обе комиссии в 1784 году представили доклады, в которых идеи Месмера и гипнотизм отвергались¹¹³. Но что говорить о 18 веке, если в опубликованном в 1903 г. известным русским физиологом и историком медицины проф. Л. З. Мореховцом фундаментальном труде «История и соотношение медицинских знаний» в разделе «Невежды» главы «Ненаучное врачевание» вы можете прочитать: «Современное состояние месмеризма, перешедшего в гипнотизм, всем известно. Курьезнее всего, что многие из ученых, я знаю таких двух, воспроизведение ими гипнотических опытов связывают не только со своим искусством, но мнят искренно, что в них сидит особая сила! Так лестно владеть мощью, хотя бы и олимпийских небожителей! Этого рода мысли распространяются даже врачами — о их якобы магической силе, выражение, ставшее обычным. Что же после этого сказать о профессиональных гипнотизерах!...»¹¹⁴. Это было опубликовано после того, как Ж. Шарко в 1882 году «удалось преодолеть сопротивление академиков» и «реабилитировать гипноз»¹¹⁵, после выхода в свет ряда капитальных трудов В. М. Бехтерева, посвященных проблеме гипноза. Вот уж воистину предрассудки особенно устойчивы в науке.

В качестве мануальных действий применялись прикосновение к телу больного, массаж, пассы вблизи различных участков тела. Все эти действия, по-видимому, также осмысливались как передача дополнительной силы или средство изгнания вредоносной силы, засевшей в теле больного. Все эти приемы, кроме массажа, до недавнего времени полностью отвергались естественнонаучной медициной. А точнее, во второй половине нашего века за ними признавалось психотерапевтическое воздействие, проявляющееся особенно у эмоцио-

нально неустойчивых субъектов... Однако в 80-х годах все настойчивее стали говорить и писать об экстрасенсорных явлениях, о Е. Ю. Давиташвили (Джуне), целительные возможности которой были подтверждены серией исследований, проведенных в 1982—1985 гг. в Институте радиотехники и электроники АН СССР под руководством академика Ю. В. Гуляева и проф. Э. Э. Годика. О разработанном и внедренном ею методе бесконтактного массажа, разрешенном к применению Минздравом после долгих баталий, и подтвержденном патентом, который к настоящему времени приобретен во многих странах. В результате исследований все большее подтверждение получает точка зрения, что так называемый «эффект Джуну» состоит в мобилизации резервных возможностей организма целителя, в энергетическом воздействии на биологическое поле пациента, а также точки акупунктуры и различные ткани. Имеются сообщения ряда исследователей об иммуностимулирующем действии этого эффекта, об изменении под его влиянием форменных элементов крови, воздействии на микроциркуляцию, вызывающем как прессорный, так и депрессорный эффект и т. д. Какой-либо законченной гипотезы, объясняющей «эффект Джуну», до настоящего времени не сформулировано. Думается, что это связано в том числе и с тем, что ученые потратили больше сил на попытки доказать, что такого эффекта не может быть в принципе, вместо того, чтобы детально изучить реально существующее явление. Кстати говоря, сегодня совершенно ясно, что под «эффектом Джуну» следует понимать не индивидуальные способности, которыми владеет группа особо одаренных лиц, а некий биологический феномен, имеющий достаточно массовое распространение. Применение предложенных Джуну методических приемов позволило выявить аналогичные возможности у большого числа людей, которые в настоящее время практикуют этим методом. Постоянная практика позволяет дерепрессировать имеющиеся резервные возможности каждого. Но силы воздействия самой Джуну ее ученики не достигают. Мы могли бы еще много говорить о проблемах экстрасенсорики, биологических полях, «эффекте Джуну» и прочих «магических феноменах», но мне думается, что лучше обсудить их отдельно. У нас впереди еще есть время, и мы можем посвятить этому плановые, а лучше — факультативные занятия.

Для «восстановления» или «усиления» жизненной силы больного магическая медицина использовала не только собственные возможности целителя. Ведь магические внутренние силы имеются у животных и растений. Поэтому возможно их

лечебное применение, но с непременно словесным или ритуальным сопровождением для того, чтобы сила растения и животного не оказала вредного влияния и действовала бы в нужном направлении. Так, в форме травной и животной магии были переосмыслены домагические приобретения формирующейся медицины. Наконец, в лечебной практике широко использовались магики-тотемические обряды, и первобытный врачеватель нередко имитировал движения тотемного животного, так сказать, у постели больного, чтобы передать больному его силу. Таков вкратце арсенал лечебных средств магической медицины. Как видите, он не так мал, и не так нелеп. Потомкам было чем воспользоваться.

Нужно сказать несколько слов о мантике (гадании), близкой к магии по происхождению и используемым приемам, но отличающейся от нее по целям, по предназначению. Нельзя не согласиться с С. А. Токаревым: «в отличие от магии мантика не преследует цели произвести какие-либо изменения во внешнем мире. Ее задача — не вызвать какие-либо события, а только узнать о них». С использования мантики в медицине берет начало не только прогноз, но и объективные методы обследования больного, прежде всего осмотр. Методы мантики основаны на выявлении особенного в общем, фиксируют внимание на отклонениях от обычного, говоря современным языком, среднестатистического состояния. Эти особенности, отклонения — не единичны. Они повторяются, встречаются у других больных и в силу этой повторяемости служат знаменем для разгадывания воли «рока», «судьбы», богов, на основе сопоставления этих знаменей с уже происшедшими событиями, ими сопровождавшимися. Мне думается, что мантические приемы не были свойственны магической медицине, их использование началось позднее. В эпоху древних цивилизаций на основе мантических приемов возникло самостоятельное, как правило, внехрамовое направление в медицине — прорицательская медицина, оставившее богатое наследие. Использование мантических приемов в медицине и наследие прорицательской медицины целесообразно рассмотреть при обсуждении медицинских проблем древних цивилизаций.

К лекции 2

¹ Позитивизм (от лат. *positivus* положительный) — направление в философии, основанное на положении, что подлинное, «положительное» (позитивное) знание — совокупный результат исследований специальных наук и их синтетического объединения. Согласно позитивистской концепции, наука не нуждается в какой-либо стоящей над ней философии как исследовании мировоззренческих проблем. Оформился в особое направление в 30-х годах 19 в.

² Наибольшую известность О. Конт (О. Comte, 1798—1857) принес труд «*Cours de philosophie positive*» (v. 1—6, P., 1830—1842; рус. пер. «Курс положительной философии» в двух томах, СПб, 1899—1900). В этом труде изложены все основные положения позитивизма. О. Конт развивал идею о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества: первая — теологическая (все явления объясняются на основе религиозных представлений); вторая — метафизическая (сверхъестественные факторы заменяются сущностями, причинами; стадия критическая, разрушительная); третья — позитивная, или научная (возникает наука об обществе, способствующая его рациональной организации). Труды О. Конта способствовали выделению социологии как самостоятельной науки из социальной философии (термин «социология» предложен О. Контом). Важнейшими задачами социологии он считал реконструкцию основных фаз исторической эволюции с одновременным описанием структуры общества; обоснование научной политики, примиряющей принципы порядка и прогресса, реставраторские и революционные тенденции (социология — «позитивная мораль» не индивидуума, а человечества). В капитальном труде «*Système de politique positive*» (V. 1—4, 1851—1854) О. Конт, кроме изложения основных положений своей социологии, провозгласил создание «новой религии человечества», подробно описав ее культ и катехизис. См. Философская энциклопедия, Т. 3 — М., 1964, с. 51—53; Философский энциклопедический словарь, М., 1983, с. 274; Асмус В. Ф. О. Конт — Вестн. АН СССР, 1957, № 1; Баскин Н. П. О. Конт и его место в истории мировой культуры. — Вopr. философии, 1957, № 6.

³ Цит. по кн.: Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930, с. 6. Л. Леви-Брюль был близок к французской социологической школе Э. Дюркгейма (1858—1917) и испытал влияние О. Конта, посвятив анализу его наследия специальное исследование (Levy-Bruhl L. La philosophie d'Auguste Comte. — P., 1900).

⁴ Дюркгейм Э. (Durkheim, 1858—1917) — французский социолог, последователь О. Конта, основатель французской социологической школы. Внес основополагающий вклад в анализ ценностно-нормативных систем общества, строгих методов исследования социальных факторов. Социология, по Э. Дюркгейму, должна изучать общество как особую духовную реальность, законы которой принципиально отличны от законов индивидуальной психики и определяются общезначимыми коллективными фактами — коллективными представлениями. Многие труды Э. Дюркгейма переведены на русский язык. См.: Метод социологии. — К. — Х., 1899; О разделении общественного труда. О., 1900; Социология и социальные науки. — В кн.: Метод в науках. — СПб., 1911; Самоубийство. СПб., 1912; Социология и теория познания. — В кн.: Новые идеи в социологии. Сб. 2. — СПб., 1914. См. также Коржева Э. М. Категория коллективного сознания и ее роль в концепции Э. Дюркгейма. — «Вест. Моск. ун-та».

Сер. «Философия», 1968, № 4; Осипова Е. В. Социология Э. Дюркгейма. — М., 1977.

⁵ Дюркгейм Э. Метод социологии. — К. — Х., 1899, с. 91.

⁶ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930, с. 5.

⁷ Институт «табу» был впервые описан знаменитым английским мореплавателем Дж. Куком (J. Cook, 1728—1789) у аборигенов острова Тонга (Полинезия) в 1771 г.

⁸ Аналогичные «табу» системы запретов зафиксированы этнографами у других народов (у малайцев — «памали», у жителей Мадагаскара — «фади», у индейцев племени дакота — «вакара» и т. д.). Считают, что понятие «грех» генетически связано с табу.

⁹ Из источников на русском языке (работы отечественных и зарубежных авторов) могут быть рекомендованы: Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий. Вып. 1 — М., 1919; Рейнак С. Несколько замечаний о табу. — Атеист, 1926, № 5; Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966; Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990; Фрезер Д. Золотая ветвь. — М., 1986; Фрейд З. Тотем и табу. — М.—Пг., 1923; Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. — Л. 1936. Из источников на иностранных языках см.: Briffault R. The Mothers. V. v. I—III. — L., 1927; Brown A. R. Taboo. — L., 1939; Steiner P. Taboo. — L., 1956; Toy. Taboo and Morelity. — Journal of the American Oriental Society, 1899, XII; Webster H. Taboo. A sociological study. — L., 1942.

¹⁰ Приведу для примера наиболее типичные определения: «Табу — категорический запрет на религиозной основе» (Философская энциклопедия. Т. 5. — М., 1970, с. 177); «Под этим термином (табу — А. С.) принято подразумевать запрет, выражающийся в негласном, но ясно сознаваемом предписании: «не делай того-то, не прикасайся к тому-то» и обобщающий человека, предмет как действие, на котором он лежит, из ряда обычных общеупотребляемых» (Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 41, ч. VI. — М., 6 г., ст. 667); «Табу — распространенная в доклассовом обществе система запретов, нарушение которых карается сверхъестественными силами» (БСЭ, 3-е изд. Т. 25. — М., 1976, с. 162).

¹¹ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., Наука, 1966, с. 275.

¹² См. Briffault R. The Mothers. V. II—L., 1927, p. 353—365; Steiner F. Taboo. — L., 1956; p. 141; Webster H. Taboo. A sociological study. L., 1942, p. 6—7.

¹³ Промискуитет (от лат. *promiscuus* смешанный, общий) — форма детроизводства, основанная на нерегламентированных, неупорядоченных половых отношениях.

¹⁴ См. Томпсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. — М., 1958, с. 200—202.

¹⁵ Экзогамия (от греч. *exo* вне, снаружи и греч. *gamos* брак) — запрет половых отношений между членами родственного, реже локального (община) коллектива в эпоху первобытнообщинного строя.

¹⁶ Рейнак С. (Reinach) — французский археолог, филолог, искусствовед, популяризатор науки. Отдельные труды по истории религии и ранним предрелигиозным представлениям изданы на русском языке: Рейнак С. Орфей. Всеобщая история религий. Вып. 1. — М., 1919; Рейнак С. Общие явления животного тотемизма. Атеист, 1925, № 1; Рейнак С. Несколько замечаний о табу. — Атеист, 1926, № 5. Не утратила своего значения и работа С. Рейнака «Культы, мифы и религии» (Reinach S. Cultes, mythes et religions. V. v. 1—4. — P., 1905—1912).

¹⁷ Рейнак С. Несколько замечаний о табу. — Атеист, 1926, № 5, с. 16.

¹⁸ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., Наука, 1966, с. 277.

¹⁹ См., например, Brown G. Melanesian and Polynesian. — L., 1910, p. 274; Webster H. Taboo. A sociological study. — L., 1942, p. 129, 130, 132.

²⁰ Левин, 12, 1—5.

²¹ Фрейд З. (Фрейд, Freud, 1856—1939) — австрийский врач-психиатр и психолог, создатель психоанализа — метода психотерапии и психологического учения, рассматривающего как основные бессознательные психические процессы и мотивации. Развивал теорию психосексуального развития индивида, отводя главную роль в формировании характера и патологии переживаниям раннего детства. Универсализация психопатологического опыта привела З. Фрейда к психологизации истории человеческого общества и человеческой культуры. Совокупность философско-антропологической и психологической концепции З. Фрейда и развивающихся на ее основе учений и школ получила название фрейдизма.

²² Фрейд З. Тотем и табу. — М., — Пг., 1923, с. 76.

²³ Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. — М., 1980, с. 546.

²⁴ Эндогамия (от греч. *endon* внутри и греч. *gamos* брак) — брачные (половые) связи внутри определенного коллектива.

²⁵ Софокл (греч. *Sophokles*, 496—406 гг. до н. э.) — великий древнегреческий трагик, автор 123 драм, из которых до нашего времени полностью дошло 7; от остальных сохранились фрагменты и названия. Занимал видное общественное положение в Афинах: в 443 г. до н. э. был хранителем казны Афинского морского союза, в 441 — стратегом (вместе с Периклом), в 420 — ввел в Афинах культ бога врачевания Асклепия. Искусство Софокла высоко ценилось его согражданами: 24 раза он одерживал победу на состязаниях драматургов. После смерти Софокл почитался как *hegos dexion* — муж правый. На сюжет мифов об Эдипе Софоклом написана трагедия «Эдип-царь» и «Эдип в Колоне». К ним сюжетно примыкает трагедия «Антигона».

²⁶ Фрейд З. Психология бессознательного. Сборник произведений. — М., 1989, с. 447.

²⁷ Фрейд З. О психоанализе: — Там же, с. 372.

²⁸ Там же, с. 445. См. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности. — Там же, с. 149—179.

²⁹ Фрейд З. О психоанализе. — Там же, с. 375.

³⁰ Фрейд З. Я и Оно. — Там же, с. 437.

³¹ Малиновский Б. (*Malinowski*, 1884—1942) — английский этнограф и социолог, основатель функциональной школы, рассматривающей культуру как единое целое, каждый элемент которого несет свою социальную функцию. По затронутому в лекции вопросу см.: *Malinowski B. The sexual life of savage in North-Western Melanesia. L., 1929.*

³² Матрилинейность (от лат. *mater*, род, падеж и *matris* мать) — счет родства и порядок наследования по материнской (в широком смысле — женской) линии.

³³ Пропп В. Я. (1895—1970) — советский литературовед, автор фундаментальных трудов по теории и истории фольклора.

³⁴ См. Пропп В. Я. Эдип в свете фольклора. — Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 72. Серия филологических наук. Вып. 9. — Л., 1944.

К лекции 3

³⁵ По данным С. А. Токарева, слово «тотем» попало в европейскую научную литературу в конце 18 в. (Дж. Лонг, 1791). См. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 51. Описание «тотемических феноменов» встречается в литературе еще раньше. З. Фрейд сообщает о рабо-

те Гарсилосо де ла Вега, относящейся к 17 веку. См. Фрейд З. Тотем и табу. — М., — Пг., 1923, с. 115.

³⁶ Необходимо выделить: работы Дж. Леббока (*Lubbock. The origin of civilization. — L., 1870*) и Дж. Мак-Леннана (*J. F. MacLennan. The worship of animals and plants. — «Fortnightly Review», 1869, Oct.-Nov., 1870, Febr.*), в которых впервые обосновано представление о тотемизме как особой форме религии; В. Спенсера и Ф. Гиллена (*B. Spencer, F. Gillen. The nature tribes of Central Australia. — L., 1899*), в которых описаны основные факты, относящиеся к тотемизму у аборигенов Австралии; и, особенно, обобщающие труды Дж. Фрэзера (*J. G. Frazer, Totemism. — Edinb. 1887; J. G. Frazer. Totemism and exogamy. V. v. I—IV. — L., 1914*).

³⁷ См. Бородулин Ф. Р. История медицины. Избранные лекции. — М., 1961, с. 23—24. Вместе с тем, следует иметь в виду, что наиболее распространенное значение термина «маниту» (алгонкинский) — сверхъестественные силы или существа, выполняющие роль личного духа — покровителя. В «маниту» воплощаются способности и силы действительности; одновременно «маниту» — магическая власть, невидимая сила. См. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. — М., 1982, с. 105. Не исключено, что это — позднейшее анимистическое осмысление понятия. В рамках тотемистического осмысления можно допустить, что одним из значений термина «маниту» было «целебная», «целительная» и даже «надмирная» сила (Токарев С. А. Религия в истории народов мира — М., 1964, с. 96).

³⁸ См. Фрейд З. Тотем и табу. М., — Пг., 1923, с. 112.

³⁹ Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 60.

⁴⁰ Здесь речь идет о представителях американской школы исторической этнологии, и в частности о Р. Лоуи (*R. Lowie, 1883—1957*). Цитируется фраза из книги Р. Лоуи «Примитивное общество». См.: *Lowie R. Primitive society. — N.-Y., 1925, y. 115.*

⁴¹ О тотемизме имеется большая литература, позволяющая, в частности, познакомиться и с большинством теорий. Из изданного на русском языке можно рекомендовать: Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. — Л., 1934; Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. — М., 1964; Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966, с. 319—346, 414—446; Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990, с. 51—83, 564—576 и др.; Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3—4; Хайтум Д. Е. Тотемизм. Его сущность и происхождение. — Душанбе, 1958; Фрезер Дж. Золотая ветвь. — М., 1986; Фрейд З. Тотем и табу. — М., — Пг., 1923.

⁴² Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 26.

⁴³ Толстов С. П. (1907—1976) — советский археолог и этнограф, чл. корр. АН СССР, автор трудов по проблемам этногенеза, первобытной истории, культуры народов Средней Азии.

⁴⁴ См., например, *Ankermann B. — Anthropos. 1915—1916. B. X—XI. N. 3—4. S. 586—590; Thurwald R. — Anthropos, 1917—1918. B. XII—XIII. N. 5—6. S. 1108—1111; Reuterskiold E. — Anthropos, 1914. B. IX. N. 3—4. S. 648—650.*

⁴⁵ *Durkheim E. Les formes elementaires de la vie religieuse. — P., 1912, p. 143. Цит. по кн.: Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 55.*

⁴⁶ Евангелие от Матфея, 10, 35—37.

⁴⁷ Конкретное содержание этих обрядов у различных племен кратко, но достаточно полно изложено в работе З. Фрейда «Тотем и табу». — М., — Пг., 1923, с. 49—56.

⁴⁸ Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 67.

⁴⁹ См. там же, с. 55.

⁵⁰ Толстов С. П. Проблемы родового общества. — Советская этнография, 1931, 3—4, с. 91.

⁵¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 2. — М., 1949, с. 119—120. В третьей строке последней строфы эпитет отсутствует в рукописи А. С. Пушкина. В некоторых изданиях приводится эпитет «смертоносная».

⁵² Зеленин Д. К. Идеологическое перенесение на диких животных социально-родовой организации людей. — Известия АН СССР. Отд. общ. наук. 1935, № 4, с. 403.

⁵³ Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, с. 26.

⁵⁴ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966, с. 332, 346—347.

⁵⁵ Эта точка зрения подробно обоснована, например, в работах Дж. Томсона и Ю. И. Семенова. См.: Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический Эгейский мир. — М., 1958, с. 30—34; Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966, 331—347.

⁵⁶ Золотарев А. М. Очерки истории родового строя. Рукопись, 1940, с. 43. Цит. по кн.: Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966, с. 334.

⁵⁷ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. — М., 1966, с. 335.

⁵⁸ Семенов Ю. И. Возникновение человеческого общества. — Красноярск, 1962, с. 376.

⁵⁹ Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 64—65.

⁶⁰ Зоофагический (от греч. зоо животное и греч. phagos пожирающий) — поедание мяса животных.

⁶¹ Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 225.

⁶² Большая медицинская энциклопедия, 3-е изд. Т. 29. — М., 1988, с. 451—452.

⁶³ Зоофилия (от греч. зоо животное и греч. philia влечение, любовь) — половое влечение или половое сношение с животным.

⁶⁴ Минотавр (греч. Minotaurus бык Миноса) — чудовище с телом человека и головой быка. Подробный анализ мифа о Минотавре см. в кн.: Лосев А. Ф. Античная мифология в историческом развитии. — М., 1957, с. 206—235.

⁶⁵ Дедал (греч. Daidalos искусный) — в греческой мифологии по версии Платона (Plat. Jop 553a) внук афинского царя Эрехфея и сын Метона, по версии Аполлондора (III, 15, 8) и Гигина (Hug. Fab. 39, 244, 274) — сын Эвпалма и внук Метона, изобретатель столярных инструментов и столярного мастерства, архитектор и скульптор. Жил в Афинах, из-за обвинения в убийстве бежал на Крит. Помог жене Критского царя Миноса Пасифае вступить в связь с Критским быком, построил Лабиринт, помог дочери Миноса Ариадне вывести из Лабиринта Тесея.

⁶⁶ Лабиринт (греч. labyrinthos) — здание со сложными, запутанными ходами, из которого трудно найти выход. Лабиринтом греки называли громадное здание, построенное в Фаюмском оазисе египетским фараоном XII династии Аменемхетом III (1849—1801 гг. до н. э.), являвшееся, по видимому, заупокойным дворцом и считавшееся одним из величайших памятников египетской архитектуры. По одной из версий в Лабиринте хранились несметные сокровища египетских богов. Эти сокровища могли быть использованы только в случае крайней государственной необходимости. Жрецы строго охраняли тайну Лабиринта. Эту версию подробно разработал польский писатель Б. Прус (наст. имя А. Гловацкий, 1847—

1912) в романе «Фараон» (1895—1896). Согласно греческим преданиям, Лабиринт был возведен также на Крите Дедалом для содержания Минотавра по приказу критского царя Миноса. Это предание подробно описано у Диодора (I, 61), упоминается у Аполлондора (III, 1, 4; III, 15, 8—9), но не нашло археологического подтверждения. Вероятнее всего греки отождествляли с Лабиринтом Кносский дворец. Плиний упоминает еще о двух лабиринтах. Первый построен на острове Самос на средства известного самосского тирана Поликрата (умер в 522 г. до н. э.), второй — в Италии — могильный курган этрусского царя Порсенна из Клузия (совр. Кьюзи) со склепом, представляющим собой запутанную систему камер (см. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Издание 11-е, т. 26, ст. 334—335).

⁶⁷ Тесей (греч. Theseus усыновленный, по другой версии от пеласгийского *tes>theso* «быть сильным») — афинский культурный герой, сын афинского царя Эгея (или Посейдона) и дочери трезенского царя Эфры. Согласно Аполлондору трезенский царь Питфей, в доме которого остановился Эгей, напоил его пьяным и уложил спать со своей дочерью Эфрой. В ту же ночь с ней сблизился Посейдон (III, 15, 6—7). Таким образом Тесей, как и положено настоящему герою, имел двух отцов — земного и божественного. Античная мифологическая традиция относит деятельность Тесея примерно к 13 в. до н. э. Тесей уничтожил известных разбойников Синиса, Скирона, Керкиона, Дамаста, прозванного Прокрустом, убил кроммионскую свинью и марафонского быка, освободил Афины от дани Миноса, убив Минотавра, участвовал в войне с амазонками, в битве с кентаврами, помог Гераклу, впадшему в безумие, и очистил его от невинно пролитой крови, помог похоронить тела семерых вождей (семеро против Фив). Античная традиция приписывает Тесею объединение всех жителей Аттики в единый народ и единое государство (полис) Афины, введение первого социального деления граждан Афин. Он заслужил репутацию неподкупного и справедливого арбитра. В зрелом возрасте совершил ряд «дерзких» поступков, за что боги лишили его царской власти в Афинах. Он вынужден был отправиться в изгнание на остров Скирос, где был предательски убит. В 476 г. до н. э. останки Тесея были перенесены в Афины и торжественно захоронены. В честь Тесея, начиная с 5 в. до н. э., были установлены ежегодный и ежемесячный праздники. Сведения о Тесее содержатся в «Мифологической библиотеке» Аполлондора (I, 8, 2; I, 9, 16; I, 9, 28; II, 5, 12; II, 6, 3; III, 1, 4; III, 5, 9; III, 7, 1; III, 10, 7; III, 16 и в Эпитомах). Биография Тесея содержится в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха — см., например в кн. Плутарх. Избранные жизнеописания. — Т. 1. — М., 1987, с. 27—54, 86—90. См. также Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. — М., 1982, с. 502—504.

⁶⁸ Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 143.

К лекциям 4—5

⁶⁹ Советский энциклопедический словарь. — М., 1987, с. 739. Почти также определяется понятие «магия» в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии (Т. 15, М., 1974, с. 152) и Философском энциклопедическом словаре (М., 1983, с. 332). В Философской энциклопедии подчеркивается единство магии как явления выражением «совокупность обрядов» (Т. 3, М., 1964, с. 274). Известный советский историк религии и этнограф С. А. Токарев (1899—1985) в большей степени, чем другие авторы последних лет подчеркивает связь магии с суевериями. «Под понятием магии, или колдовства, — пишет он, — принято понимать различные суеверные человеческие действия, которые имеют целью влиять сверхъестественным образом на тот или иной материальный предмет или явление». (То-

карев С. А. Сущность и происхождение магии. — В кн.: Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 404).

⁷⁰ Фрэзер Джеймс (Фрейзер, Frazer, 1854—1941) — английский этнограф и историк религии, систематизировал огромный материал по первобытным верованиям, сформулировал гипотезу о происхождении и сущности магии, предложил классификацию магических действий. Наиболее известные труды: *Totemism and exogamy*. V. v. 1—4. — Л., 1910; *The Golden Bough. A study in magic and religion*. V. v. 1—2. — Л., 1890 (рус. перевод Фрэзер Д. Золотая ветвь. Вып. 1—4. — М., 1928; повторные издания — М., 1980 и М., 1986); *Folk-lore in the Old Testament*. — Л., 1923 (рус. перевод Джеймс Джорж Фрэзер. Фольклор в Ветхом Завете. — М., 1989).

⁷¹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986, с. 19.

⁷² Арсеньев В. Р. Звери — боги — люди. — М., 1991, с. 39.

⁷³ Окультизм (от лат. *occultus* тайный, сокровенный) — общее название учений, признающих существование скрытых сил в человеке и космосе, недоступных для общего человеческого опыта, но доступных для людей, прошедших через особое посвящение и специальную психическую тренировку. Впервые в самостоятельную сферу, не связанную с какой-либо религиозной системой, выделился в эпоху поздней античности. В основе оккультизма лежат некоторые магические представления: напр., способность человека непосредственно воздействовать на мир, используя собственные волевые акты, которые в оккультизме трактуются как особые природные силы. См. Зыбковец. О белой и черной магии. — М., 1963, Thorndike L. A history of magic and experimental science. V. v. 1—4. N-Y., 1923—1958.

⁷⁴ Флеминг А. (Fleming, 1881—1955) — английский микробиолог, автор трудов по общей бактериологии, иммунологии, химиотерапии, открыл лизоцим (1925), установил (1929), что один из видов плесневого гриба выделяет вещество, обладающее антибактериальным действием; это вещество А. Флеминг назвал пенициллином. В 1945 г. за открытие пенициллина совместно с К. У. Флори и Э. Б. Чейном удостоен Нобелевской премии.

⁷⁵ Цит. по кн.: Моруа А. Жизнь Александра Флеминга. — М., 1964, с. 116.

⁷⁶ См. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1987, с. 136—137 и др.

⁷⁷ Леви-Брюль Люсьен (Levy-Bruhl, 1857—1939) — французский этнограф, философ, и психолог-позитивист. Создал теорию господства «дологического мышления» в общественном сознании первобытной эпохи. Наиболее известные работы Л. Леви-Брюля изданы на русском языке: «Первобытное мышление» (М., 1930), «Сверхъестественное и первобытное мышление» (М., 1937).

⁷⁸ Первая монография: Levy-Bruhl L. Les fonctions mentales des les societies inferieures. P., 1910; на русском языке издана в 1930 г. под названием «Первобытное мышление».

⁷⁹ Тайлор Эдуард (Тейлор, Tylor, 1832—1917) — английский этнограф и религиовед, исследователь первобытной культуры, один из основоположников так наз. эволюционной школы. Рассматривал историю культуры как процесс поступательного развития, ввел в этнографию понятие «пережитков» и исторических напластований, которые считал «живым свидетельством или памятником прошлого», создал анимистическую теорию происхождения религии. Источником религии считал психическую деятельность человека, сводя ее к сознательной рациональной деятельности; ввел в религиоведение идею развития, генетической связи между первобытными и развитыми формами религии. Основной труд «Primitive

Culture (V. v. 1—2. L., 1871) переведен почти на все европейские языки. Русские издания: «Первобытная культура» (СПб. 1872, 1896—1897, М.—Л., 1939; М., 1989).

⁸⁰ Обсуждая вопрос о принципиальном отличии первобытного мышления (в «низших обществах») от современного мышления и коллективных представлений первобытного человека, Л. Леви-Брюль, в частности, писал: «Коллективные представления первобытных людей глубоко отличны... от наших идей или понятий, они также и не равносильны им. С одной стороны, ... они не имеют логических черт и свойств. С другой стороны, не будучи чистыми представлениями в точном смысле слова, они обозначают или, вернее, предполагают, что первобытный человек в данный момент не только имеет образ объекта и считает его реальным, но и надеется на что-нибудь или боится чего-нибудь, что связано с каким-нибудь действием, исходящим от него или воздействующим на него. Действие это является то влиянием, то силой, то таинственной мощью, смотря по объекту и по обстановке, но действие это неизменно признается реальностью и составляет один из элементов представления о предмете. Для того, чтобы обозначить одним словом это общее свойство коллективных представлений, которые занимают столь значительное место в психической деятельности низших обществ, я позволю себе сказать, что эта психическая деятельность является мистической». Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930, с. 21.

⁸¹ «Оно, — пишет Л. Леви-Брюль о пралогическом (мистическом) мышлении, — совершенно иначе ориентировано. Его процессы протекают совершенно иным путем. Там, где мы ищем вторичные причины, где мы пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты (антицеденты), первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может в одно и то же время пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону сопричастности (партиципации), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление при сравнении с нашим пралогическим» (Леви-Брюль Л. Первобытное мышление, — М., 1930, с. 4). И далее: «Коллективные представления и ассоциации этих представлений, составляющих это мышление, управляются законом сопричастности и в качестве таковых они безразличны к логическому закону противоречия». Там же, с. 302.

⁸² Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. — М., 1930, с. 71.

⁸³ Castren M. A. Kleinere Schriften. St.—Pb. 1862. S. 226, 239. Цит. по кн.: Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 409.

⁸⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1986, с. 55—56.

⁸⁵ Волошин М. Путями Канна. В кн.: Максимилиан Волошин. Стихотворения. Сер. Из литературного наследия. — М., 1989, с. 285.

⁸⁶ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1986, с. 27.

⁸⁷ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. — В кн.: Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 434—438.

⁸⁸ Большая медицинская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 14. — М., 1980, с. 19.

⁸⁹ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. — В кн.: Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 439.

⁹⁰ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. — М., 1986, с. 53—56.

⁹¹ Ссылаясь на работы Штрелова, Спенсера и Гиллена, С. А. Токарев пишет: «... любую болезнь, несчастный случай, хотя бы происходящие от очевидных причин, приписывали колдовству врага». См. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М., 1990, с. 87, 88.

⁹² Пандора (греч. Pandora всеодаренная, вседающая) — в греческой мифологии девушка, созданная Гефестом по приказу Зевса для наказания людей за кражу Прометеем огня. Пандора была наделена всеми прелестями богов и послана к людям как «прекрасное зло», получив от Зевса ящик (сосуд), в котором были заключены все человеческие несчастья. Несмотря на предостережение Прометея не принимать от Пандоры подарков, его брат Эпиметей взял Пандору в жены; «ящик Пандоры» был открыт, и все человеческие несчастья распространились по земле.

⁹³ Ба и Ка — в египетской мифологии — элементы, составляющие человеческую сущность; оба понятия переводятся как «душа», хотя понятие «душа» не точно соответствует представлениям о Ба и Ка. В эпоху Древнего царства Ба и Ка мыслились как воплощенные силы и могущества богов и фараонов. В дальнейшем Ба и Ка стали приписываться всем людям. При этом Ба считалось воплощением жизненной силы людей, продолжающим существовать после смерти; Ба обитало в гробнице, сохраняя с телом полное единство и осуществляя все его функции (Ба ест, пьет и т. д.). Оно может отделиться от тела, свободно передвигаться, выходить из гробницы, подниматься на небо. Ка — не только жизненная сила, но и двойник, «второе Я», рождающееся вместе с человеком, физический и духовно функционирующее вместе с ним как во время жизни, так и после смерти. См. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. — М., 1980, с. 148, 603.

⁹⁴ Атман (санскрит atman дыхание, душа, я сам) — в древнеиндийской религии всепроникающее субъективное духовное начало. Учение об атмане восходит к «Ригведе», где «атман» означает не только дыхание, но и жизненный дух, принцип жизни, сущность дыхания. В ранних упанишадах понимается как «Я», индивидуальная душа. Учение об атмане получило развитие во всех ортодоксальных школах индуизма. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 41. См. также Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. — М., 1980, с. 122.

Прана (санскрит prana букв. дыхание) — в древнеиндийской философии дыхание как жизненный принцип, жизнь как одушевляющее начало; иногда термином «прана» (во множ. числе) обозначают органы чувств, жизненные силы и т. п. Понятие упоминается в «Ригведе», но подробно разработано в упанишадах, где содержится классификация типов дыхания и сформулировано представление о преимуществе «жизненного дыхания» праны над другими органами жизнедеятельности. Прана — не только психофизиологическое понятие, связанное с жизнью, но и некий космический принцип, связывающий микрокосмос (человека) с макрокосмосом (вселенной). В этом смысле прана — аналог мировой души, жизненного духа. Соединяясь с манасом (ум в самом широком смысле слова: интеллект, способность к осмыслению впечатлений и ответу на них; восприятие, чувство, сознание, воля; инструмент, с помощью которого возникают мысли), прана образует жизненное «Я» человека. В йоге «прадаяна» (удерживание праны) — регулирование дыхания, приводящее к сосредоточению ума (при задержке дыхания ум достигает состояния абсолютной сосредоточенности); праяна — одно из восьми средств очищения и просветления ума. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983, с. 523—524.

⁹⁵ Ци (кит. букв. воздух, газ, пар, дыхание) — одно из основных понятий древнекитайской философии, материальная основа мира, в виде мельчайших частиц, которые находясь в постоянном движении, то сгущаются, образуя вещи, то разряжаются, вызывая изменения и исчезновения вещей. Понятие «ци» имеет также значения «материальная сила», «энергия», «жизненная сила», связанная с кровью и дыханием. Являясь оче-

древним, понятие «ци» постоянно переосмысливается в китайской философии. См. Древнекитайская философия. Т. 1. — М., 1972, с. 128, 231—233, 295—296; Т. 2. — М., 1973, с. 10—13, 31—32, 51—57 и др.

⁹⁶ Псюхе (греч. psuche душа) — термин древнегреческой философии, душа (исходное этимологическое значение «дыхание»). Гомер употребляет термин «псюхе» в двух значениях: 1) «жизненная сила», покидающая человека при последнем выдохе; 2) бесплотный призрак, после смерти человека обитающий в Аиде и лишенный сознания и памяти. Начиная с 6 в. до н. э. понятие «псюхе» неоднократно переосмысливалось, занимая центральное место в философии орфиков, Пифагора, Платона, Аристотеля и др. См. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983, с. 551—552.

Пневма (греч. pneuma дуновение, вдыхаемый воздух, дыхание; позднее — дух) — термин в древнегреческой философии и медицине, центральное понятие так называемой пневматической системы (теории) медицины.

⁹⁷ Вторая книга Паралипоменон, 16, 12—13.

⁹⁸ Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 38, 1—15

⁹⁹ Бытие, 4, 10—14.

¹⁰⁰ Евангелие от Матфея, 7, 1.

¹⁰¹ Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис), 2, 21—23.

¹⁰² Второе пришествие Христа. В христианской традиции мессианское время началось с выступления Иисуса Христа, который пришел «в последние времена», и «победил мир». Однако реальность истории продолжала существовать. Поэтому образ «конца времен» в христианской традиции подвергся удвоению. Иисус приходил первый раз в «образе раба», как учитель, исцелитель, искупитель, он отказался судить людей. Но он придет второй раз «со славою судить живых и мертвых». (С. С. Аверинцев). См. Мифы народов мира. Энциклопедия, Т. 2. — М., 1982, с. 140—143; 469—471.

¹⁰³ Откровение ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис), 2, 21—23.

¹⁰⁴ Евангелие от Матфея, 13, 30; 25, 30—32.

¹⁰⁵ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Донаторский Эгейский мир — М., 1958, с. 438.

¹⁰⁶ См. напр.: Briffault R. The Mothers. V. 1. — L., 1927, p. 14—23; Malinowski B. Coral Gardens and their magic. V. 11. — L., 1935, p. 232, 235.

¹⁰⁷ Логос — термин древнегреческой философии, означающий одновременно «слово» (или «предложение», «высказывание», «речь») и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»); при этом берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и «смысл» понимается как нечто явленное, оформленное и постольку «словесное». На бытовой сфере в понятие «логос» вошел еще момент четкого числового отношения — «счета», а потому и «отчета». Логос — это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен «отдавать отчет», и сама эта «отчитывающаяся» деятельность ума и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; это противоположность всему безотчетному и бессловесному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983, с. 323—324. Подробно о «логосе» см. в кн.: Лосев А. Ф. История античной эстетики, Т. 1. — М., 1963; Т. 6. — М., 1980.

¹⁰⁸ Евангелие от Иоанна, 1, 1—5, 14.

¹⁰⁹ Предметное отношение — термин, употребляемый в психоанализе: отношение, которое устанавливается между субъектом и его окружением.

¹¹⁰ Трансфер (франц. transfert, от лат. transfero переносить, перемещать) — метод, применяемый в психоанализе, при котором добиваются

переноса на личность психотерапевта чувств, испытанных больным в прошлом по отношению к значимым для него людям: родителям, кормильцам, воспитателям. Трансфер называют позитивным, когда происходит перенос чувства любви или привязанности, и негативным, когда переносятся чувства вражды или злобы.

Контртрансфер — перенос чувств психотерапевта на личность пациента.

¹¹¹ Асклепий — бог врачевания в Древней Греции; культ известен с 8—7 вв. до н. э. В «Илиаде» Гомера Асклепий упоминается как «великий и беспорочный врач», а его сыновья — Махаон и Подалирий как участники Троянской войны и искусные врачи (об Асклепии — см. Илиада, 2, 731; 4, 194, 204; 11, 614; 14, 2. О Махаоне и Подалирии — см. Илиада, 2, 732; 4, 193, 200, 208, 11, 506, 512, 517, 598, 613, 651, 833). Расцвет культа Асклепия относится к 6—2 вв. до н. э. В храмах Асклепия — асклепейонах проводилось лечение больных. Многие врачи считались потомками Асклепия, особенно это относится к врачам косской школы, основателем которой считался Асклепий. В частности, Гиппократ считал себя потомком Асклепия в семнадцатом колене. См. Ковнер С. История древней медицины. Вып. I. — К., 1878, с. 129. Мифы народов мира. Энциклопедия Т. I. — М., 1980, с. 113—114.

¹¹² Инкубация (лат. incubatio) — лечебно-диагностическая процедура, связанная с толкованием видений, возникающих на фоне гипнотического сна или психического шока; лечение «священным» сном. Имела широкое распространение в Древней Греции, где проводилась в асклепейонах. Описание см. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. а. — СПб., 1901, с. 905—906. Подробно изложено у Павсания в «Описании Эллады» — Павсаний, IX, 39, 5 и сл.

¹¹³ Подробно о Месмере и судьбе его концепции и метода — см. в кн. Шерток Л., де Сосюр Р. Рождение психоаналитика. от Месмера до Фрейда. — М., 1991, с. 39—72.

¹¹⁴ Мороховец Л. З. История и соотношение медицинских знаний. — М., 1903, с. 266.

¹¹⁵ Шерток Л., де Сосюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. — М., 1991, с. 86—97.

Формат издания 60×84¹/₁₆. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 2000 экз. Цена договорная.

Малое государственное предприятие «ЭРУС»
101882, Москва, Петроверигский пер., 6/8

Издательство «Радио и связь»
101000, Москва, Почтамт, а/я 693
Типография изд-ва «Радио и связь»